

Анна Шнайдер

Неистинная

«Литнет»

2023

Шнайдер А.

Неистинная / А. Шнайдер — «Литнет», 2023

Айрин Вилиус - «пустышка». Аристократка без крошки магии - таким нет места ни среди аристократов, ни в обществе нетитулованных. Она давно смирилась с одиночеством и мечтает только об одном - вырвать свою младшую сестру из рук жестокого отца и получить над ней опеку. И однажды вечером её мечту предлагают исполнить, однако взамен она должна стать любовницей его высочества Арчибальда, двоюродного брата императора. ОДНОТОМНИК. Можно читать отдельно от остальных книг цикла, сюжетно не связано. Для тех, кто читал предыдущие: события происходят одновременно с «Тьмой императора».

© Шнайдер А., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава первая. Неприличное предложение	5
Глава вторая. Решение	14
Глава третья. Приворот	24
Глава четвёртая. Встреча	33
Глава пятая. Букет	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава первая. Неприличное предложение

Айрин Вилиус

Я не знаю, что такое любовь. Зато о ненависти могла бы написать целую книгу.

Я знаю все её оттенки, все особенности этого чувства — яркого, как солнечный свет, и такого же опасного. Как и от солнца бывают ожоги, так и ненависть выжигает душу, оставляя после себя лишь серый пепел безысходности. Она горчит на языке, вскипает солью на глазах, заставляет дрожать руки и связывает язык. Ненависть — пожалуй, единственное, в чём я действительно разбираюсь, если речь идёт о человеческих отношениях. Остальное мне почти недоступно.

Я медленно сошла по ступеням главного отделения судебного комитета, стараясь сосредоточиться на собственных шагах — опасалась, что иначе упаду с лестницы. Да, ненависть... Она такая — умеет и подножки подставлять. Я в курсе, потому что уже падала с лестниц.

— У тебя ничего не получится, Айрин, — раздался позади самый ненавистный в мире холодно-насмешливый голос. — Ты и сама прекрасно это понимаешь. Забери своё дурацкое заявление, хватит тратить моё время.

Я на мгновение прикрыла глаза и сразу поплатилась за это, едва не оступившись. Вовремя спохватилась, выпрямилась и, не оборачиваясь, бросила тому, кто шёл следом за мной:

— Даже не мечтай.

Он фыркнул и язвительно припечатал, снисходительно хлопнув меня по плечу, отчего я замерла, словно превратившись в кусок льда:

— Как была душой, так и осталась, Рини.

Потом он сбежал по лестнице, не оборачиваясь, а я провожала его горящим от ненависти взглядом.

Да, если бы я умела поджигать одним взглядом, как архимагистры, то мой отец, специалист судебного комитета по архивному делу архимаг Алан Вилиус, уже давно превратился бы в кучку вонючего пепла. Но я, к сожалению, «пустышка». Аристократка без магии — что может быть более нелепым в нашем традиционном обществе? Пожалуй, ничего.

На вечер был запланирован спектакль, поэтому сразу после окончания судебного заседания я вернулась в варьете.

Я работала здесь с семнадцати лет — с того момента, как сбежала из дома. Мне тогда колоссально повезло, что я умудрилась наткнуться не на какого-нибудь грабителя, убийцу или насильника, а на маэстро Говарда Родерика — владельца «Варьете Родерика», музыкального театра для обычных людей и нетитулованных магов. Аристократы к нам действительно почти не захаживали — только если под маскировочными амулетами, чтобы никто не узнал об их позоре. Посещать наше варьете считалось дурным тоном, а раз я здесь работала, тем более даже не под псевдонимом, то и мне был заказан вход в «приличные» дома и заведения. Не очень-то и хотелось, разумеется. Однако именно на тот факт, что я «фривольная актрисулька в дурацком театре», и напирал мой отец во время судебных заседаний. Если бы не помощь маэстро, я бы уже давно проиграла тяжбу. Но... даже со связями Алана Вилиуса победить Говарда Родерика было не так уж и просто. Поэтому... мы ещё повоюем.

Войдя в театр, я оставила верхнюю одежду в гардеробе для сотрудников, а затем прошла в свою гримёрную. По пути бросила взгляд на браслет связи — до репетиции ещё два часа, успею привести себя в порядок и, возможно, даже что-нибудь перекусить. Хотя после встречи с отцом обедать не хотелось, но, если я не поем, вечером не смогу хорошо откатать спектакль. Это я уже давно про себя знаю — мне необходимо выходить на сцену только сытой. Можно

в плохом настроении и самочувствии, это как раз на эффективность не влияет, а вот наличие обеда в желудке — да.

Я опустилась на стул перед трюмо и посмотрела на себя в зеркало. Оно было трёхстворчатым, поэтому я отлично видела себя с разных боков и могла прийти к неутешительному выводу, что гримёру сегодня придётся постараться, делая из меня юную и цветущую главную героиню пьесы маэстро.

Да-да, наш главный режиссёр и владелец варьете был заодно ещё и сценаристом — и неплохим, если не сказать отличным. Классику литературы мы практически не ставили. Конкурировать с Императорским театром в отношении подобного рода текстов всё равно невозможно, поэтому маэстро даже не пытался. Он создавал своё, и мне невероятно подфартило, что я удивительным образом вписалась в его представления об искусстве музыкального спектакля.

— Айрин, — в гримёрную заглянула Эжени Пэро — наш мастер-осветитель. Осветителями обычно работают мужчины, и у нас в том числе они тоже были, но она всё равно считалась лучшей. Как говорят конкуренты маэстро: «У Родерика всё не как у людей». — Говард просил передать, чтобы ты зашла, как вернёшься.

— Хорошо, — я кивнула. Это было не удивительно — мой наставник и покровитель, естественно, желал узнать, чем закончилось сегодняшнее судебное заседание. — Он у себя или в зале?

— У себя.

Эжени прикрыла дверь, а я, поправив сбившуюся причёску, поднялась со стула и отправилась в кабинет маэстро. Он находился здесь же, в коридоре с гримёрными, только в другом конце и имел более мощную деревянную дверь с табличкой «Г. Родерик». Специально для гостей, чтобы не заблудились — у нас тут некому было их провожать, и в лучшем случае, что светило прибывшим для разговора к маэстро, это отмашка рукой и указание: «Сначала направо, потом налево и до конца».

Я постучалась в дверь и, услышав глухое: «Войдите», толкнула створку. Шагнула через порог и закашлялась — наставник, как всегда, надымил тут так, что дышать стало невозможно.

— Извини, Айрин, — хмыкнул маэстро, откладывая в сторону трубку. Щёлкнул пальцами, стягивая дым в ладонь, спрессовал его в крошечный шарик и отправил в урну под столом. Да, в отличие от меня, Говард Родерик был отличным магом. — Не ожидал тебя так скоро, девочка.

— Я пришла на час позже, чем обычно, — возразила я, улыбнувшись. — Вы просто не следили за временем.

— Да? — Наставник посмотрел на запястье с браслетом связи и удивлённо покачал головой. — Действительно... Совсем заработался. Но пьеса получается неплохая, покажу тебе, как напишу побольше. А пока садись и рассказывай, как всё прошло.

— Мне нечем вас порадовать, маэстро. — Я уселась на стул перед письменным столом, за которым сидел Родерик, и развела руками. — Заседание перенесли по причине того, что айл* Вилиус принёс новые доказательства моей неблагонадёжности в качестве опекуна для Авроры. С местом проживания у него не получилось, теперь пытается напирать на мою нравственность.

(* Айл — вежливое обращение к мужчине в Альганне. Айла — обращение к женщине.)

— Нравственность, говоришь... — задумчиво протянул маэстро, непроизвольно вновь хватаясь за трубку. Из неё посыпался табак, но он этого даже не заметил, продолжая рассматривать меня, хмурия брови. — Значит, завтра пойдёшь в Императорский госпиталь, лично к главному врачу, я договорюсь. Мы с ним вместе когда-то учились в университете.

Я вздохнула. Вот так было всегда: о чём или о ком ни заходила речь, оказывалось, что у Говарда Родерика везде есть знакомые, приятели, друзья, готовые помочь мне по его просьбе. Удивительный маэстро человек, но я это уже давно поняла. Причём во всём удивительный — начиная с внешности, заканчивая литературным талантом.

Чем удивительна внешность? Посмотришь со стороны и подумаешь: «Ох, какой страшный мужик». Небольшого роста, с всклокоченными тёмными волосами, мясистым носом-картошкой и полными губами — прямо скажем, не красавец, да. А потом начнёшь общаться и уже так не думаешь. Потому что из каждой черты лица маэстро сочилось обаяние. Особенно из глаз — тёмно-карих, как утренний крепкий кофе, и таких же тёплых.

Да, Говард Родерик был единственным в мире человеком — если не считать Аврору, но она всё-таки моя младшая сестра, — к которому я, пожалуй, ощущала что-то похожее на любовь.

— И чем мне поможет главный врач Императорского госпиталя? — уточнила я и кашлянула, услышав невозмутимый ответ:

— Он тебе справку даст, что ты невинна. Отнесёшь её в судебный комитет.

Я почувствовала, что начинаю краснеть. Абсолютно непроизвольно. Наверное, если бы маэстро поинтересовался об этом прямо, я бы и то меньше смутилась. Но он говорил с таким убеждением, что сразу становилось понятно: не сомневается. Словно мой любовный опыт написан у меня на лбу.

— Ох, Айрин! — Наставник засмеялся и закатил глаза. — Ну что ты как маленькая, в самом деле! Ты пять лет у меня как на ладони, да и живёшь отдельно только полгода. Кроме того, Брайон даже проверять не будет, как обстоит дело, просто выдаст тебе справку. Я ему всё объясню.

— Он вам на слово поверит? — удивилась я, пытаюсь справиться со смущением. Как будто я вернулась в прошлое, и маэстро вновь объявляет мне, что я буду играть главную роль в спектакле под названием «Чудовище». — А если вы обманете?

— Кто — я? — пафосно спросил наставник, поиграв кустистыми широкими бровями так, что я улыбнулась. — Я никогда не обманываю, девочка. Тебе ли не знать!

После разговора с Говардом я отправилась в нашу театральную столовую для сотрудников, где быстро, но плотно пообедала, а потом вернулась в гримёрную. За обедом меня никто не беспокоил — все знали, что я не очень люблю, когда ко мне за столик кто-то подсаживается. Я — одиночка, и скорее всего, это уже навсегда.

Вновь опустившись на стул перед трюмо, я набрала по браслету связи одному из наших гримёров, и через минуту она уже готовила меня к репетиции — делала причёску и замазывала усталость на лице. Полноценная подготовка к спектаклю будет позже, и в целом я могла бы пойти на прогон без причёски и грима, но... На меня и так косо смотрят в коллективе, а давать лишний повод для сплетен я не люблю.

Меня давно и упорно считали любовницей маэстро. Не все, но многие — из тех, кто попроще и не мог разобраться в том, что Говард Родерик до дрожи обожает свою супругу, а я слишком закомплексована, чтобы быть чьей-то любовницей. Масла в огонь подлил спектакль «Чудовище» — премьера двухгодичной давности, в которой главные роли играли мы с наставником. Он исполнял роль заколдованного мага, превращённого в чудовище волей злой и завистливой женщины, а я — его возлюбленной, которой предстояло разобраться во всём и узнать своего любимого под маской жестокого проклятья, этим разрушив колдовство. И всё бы ничего, но по пьесе необходимо было поцеловаться. Всего один раз — перед собственно снятием проклятья. Я, нецелованная и зажата, была в ужасе от подобной перспективы, и Говарду понадобилось всё его терпение и выдержка, чтобы я перестала бояться этой сцены и непроизвольно напрягаться в его руках. Я действительно превращалась в камень, стоило маэстро приблизиться и заключить меня в объятия, и моментально забывала о роли. Он не сердился, просто бесконечно повторял эту сцену, пока она не стала для меня обыденной. И пока я не научилась целоваться, да. Вот с тех пор и пошли слухи — многим было непонятно, как можно часами, закрывшись в репетиционном зале, раз за разом повторять одну и ту же сцену, тем

более такую. И стали поговаривать, что маэстро меня так «завоёвывает» как женщину. Глупость несусветная, но люди всегда судят по себе. Кроме того, никто, кроме Родерика, не знал, по какой причине я сбежала из дома.

Маэстро на эти слухи только хмыкал и, посмеиваясь, говорил, что ему лестно быть любовником такой красивой и молодой девушки, как я, — пусть и в чужом воображении. Я же плюнула на всё, тем более что опровергнуть эти слухи я не могла — никаких «конкурентов» у маэстро на моём горизонте не было. И вряд ли будет.

Разумеется, я отлично понимала, что не всё мужчины такие, как мой отец, но проверять не было ни малейшего желания. Мне было хорошо и уютно в одиночестве. Единственный человек, которого я бы хотела видеть рядом с собой, — Аврора. Это была самая большая моя мечта с тех самых пор, как я в порыве отчаяния и страха за собственную жизнь бросила свою малышку на произвол судьбы...

Прогоняли сегодня мы не весь спектакль, а только несколько ключевых сцен, дабы поймать настрой. И песни, конечно, — распевка была необходима, чтобы не дать петуха во время спектакля. За всем этим наблюдал наш второй режиссёр — маэстро, по-видимому, так и не смог оторваться от написания пьесы, чтобы побывать на репетиции, — нетитулованный маг по имени Дерек Ллойс. Он появился у нас недавно, ещё и года не прошло, но уже умудрился завоевать абсолютное доверие Родерика — и мою абсолютную неприязнь. Хотя у неё не было никаких оснований — Ллойс был отличным режиссёром и дело своё знал, несмотря на юный возраст — он был старше меня от силы лет на десять, а выглядел и вовсе ровесником. Дерек напрочь игнорировал слухи о нашей с маэстро связи и последние несколько месяцев упорно добивался моей благосклонности. Набивался провожать меня до дома, флиртовал, дарил цветы и конфеты, старался разговорить. И я уже не знала, как его отвадить, — Ллойс не понимал ни аккуратных намёков, ни прямых посылов (причём никаких — ни вежливых, ни раздражённых). И так мне за это время надоел, что я испытывала лёгкое недовольство, даже если он просто проходил мимо.

Эти симпатия и ухаживания со стороны второго режиссёра не прибавили мне очков с точки зрения остальных коллег, особенно актрис — многие и сами мечтали покорить молодого и неженатого Дерекка. Тем более что он был действительно привлекателен и обаятелен, едва ли меньше Родерика. Только не жгучий брюнет, а яркий блондин с открытой улыбкой и сияющими лазурью глазами, высокий и тонкокостный. Ллойс отлично танцевал — пел гораздо хуже — и порой играл вместе с нами в спектаклях, где танцев было больше, чем песен. Талантлив Дерек был несомненно, поэтому и работал несколько лет в Императорском театре, откуда его и переманил маэстро, причём, насколько я знала из слов наставника, не столько деньгами, сколько возможностями. В Императорском театре сложно с музыкальными и танцевальными спектаклями — они там есть, но... как говорит Родерик, «кастрированные». Мне остаётся только поверить на слово — я там никогда не была, и вряд ли побываю. Не очень хочется, чтобы в меня — «пустышку», да ещё и «фривольную актрисульку» — тыкали пальцами.

В сегодняшнем спектакле Ллойс задействован не был, он только режиссировал, что не мешало ему разнести в хвост и гриву наш прогон. Меня он ругал чуть сильнее остальных — причём вполне заслуженно, после судебных заседаний я всегда торможу, — из-за чего Райза Салливан (самая преданная из поклонниц Дерекка) на радостях начала петь мимо нот.

— Да что с вами сегодня такое! — возмутился Ллойс, переводя горящий негодованием взгляд с меня на Райзу — мы пели дуэтом. — Одна похожа на ёжика, только что вышедшего из спячки, другая петуха даёт. Соберитесь сейчас же! Иначе заменю обеих.

Угроза оказалась действенной, и при следующем исполнении мы исправились, хотя Дерек всё равно не выглядел довольным. И периодически поглядывал на меня, причём даже после того, как я, закончив все свои сцены, села в кресло в первом ряду, чтобы немного отды-

шаться. Я думала, репетиция закончится ещё через полчаса и я успею убежать, но Ллойс вдруг решил закругляться и выгнал всех из зала, при этом меня попросил задержаться. Я напрягалась, предчувствуя выволочку — играла я и правда сегодня не очень, а симпатия ко мне никогда не мешала нашему второму режиссёру критиковать мою работу, — но ничего подобного не последовало. И как только за Райзой, вышедшей из репетиционного зала последней, закрылась дверь, Дерек поинтересовался:

— Как прошло заседание? Ты ведь сегодня в комитете была, да?

Я поперхнулась воздухом. Никогда я не рассказывала Ллойсу о своих делах... Тогда кто? Неужели маэстро? Только он и знает, больше никто...

— Откуда ты?.. — выдохнула я, справившись с эмоциями. Держать лицо я умею, научилась. И жизнь научила, и Говард Родерик. — Маэстро рассказал?

— Нет, — улыбнулся Дерек, глядя на меня с беспокойством. — Мой двоюродный брат проходит практику в судебном комитете. Секретарь на заседаниях. Он тебя ещё в прошлый раз заметил. Поэтому, да, я немного в курсе того, чего ты пытаешься добиться, Айрин.

В прошлый раз... Прошлый раз был два месяца назад. Именно тогда отец рвал и метал, поскольку заседание закончилось отклонением его требования лишить меня возможности взять Аврору под опеку из-за отсутствия места для проживания. О том, что маэстро помог мне купить квартиру, айл Вилиус не знал и, по-видимому, не догадывался, что так можно. Но подобный поступок со стороны маэстро, скорее всего, послужил сигналом для возможности обвинения меня в развратном поведении, о чём отец и заявил на нынешнем заседании. Понятия не имею, какие он доказательства предоставил... Хотя есть у меня подозрения, что без свидетельств со стороны некоторых актрис не обошлось.

— Пока ничего утешительного. Отец пытается доказать мою безнравственность, принёс какие-то бумажки в качестве доказательств. Какие я не знаю, а судья не озвучивал, — я пожалала плечами и вздохнула, вспомнив, с какой брезгливой физиономией изучал принесённое Воган Ашерииус — судья, который рассматривал нашу тяжбу уже почти целый год. Мне с ним, на самом деле, повезло — несмотря на то, что Ашерииус, как и все аристократы, смотрел на меня с лёгким презрением, выносить приговор не в мою пользу он не спешил. И я точно знала, что взятку от отца Ашерииус не возьмёт — принципиальный. Поэтому шанс выиграть дело у меня был.

— Если хочешь, я попрошу брата посмотреть, что принёс твой отец, — предложил Дерек, и я сразу напряглась. Безвозмездно мне не помогал даже маэстро, но он, в отличие от Ллойса, и не скрывал этого. А Дереку что от меня может быть нужно? — Роберт имеет доступ к документам по всем делам, где числится секретарём.

— Вообще-то подобное уголовно наказуемо, — пробормотала я, избегая встречаться взглядом с нашим вторым режиссёром. Ой не нравится мне всё это...

— Ерунда, — хмыкнул Ллойс на удивление хвастливо. — Я никому не скажу, ты тем более. Ну как, Айрин? Мне просить брата?

Я задумалась. С одной стороны, знать было бы полезно, а с другой — что это даст? Да и со справкой от главного врача Императорского госпиталя любое обвинение меня в разврате будет выглядеть нелепо.

— Не нужно, — я помотала головой. Лучше так, чем быть обязанной Дереку. — Я справлюсь и без этого.

— Уверена? — Кажется, Ллойс удивился.

— Да, абсолютно.

— Тогда вот ещё что... Подумай о том, чтобы заключить брак. Если ты будешь состоять в браке, твоему отцу станет в разы сложнее выиграть дело.

Я даже не удивилась. Учитывая интерес Дерек к мне, это было предсказуемо. Конечно, он весь такой из себя благородный спаситель, хочет помочь несчастной девушке. И будет

нисколько не против, если эта самая девушка потом захочет его отблагодарить, причём не деньгами.

— Ты себя предлагаешь в качестве кандидата в мужа? — уныло уточнила я, по-прежнему не глядя на собеседника. От всей этой ситуации тошнило, и смотреть на самодовольную физиономию Дерекса вообще не хотелось. Тоже мне, нашёлся охранитель...

— Не обязательно, — ответил Ллойс осторожно. Ага, видимо, ощутил, что рыбка срысывается с крючка. — Договориться можно с кем угодно. Просто я могу сделать это бесплатно.

Я решила не уточнять, что в таком случае буду ему должна. Мне ещё с ним работать, поэтому лучше не знать.

— Спасибо, Дерекс, — ответила как могла ровно. — Я подумаю.

Перед началом спектакля я всегда подходила к кулисам и, аккуратно выглядывая из-за них в зал, воздействовала на зрителей своей родовой магией. Совсем немного, но достаточно для того, чтобы у пришедших на спектакль чуть-чуть повышалось настроение.

Когда я только появилась в жизни маэстро Родерика, и он узнал об особенностях моего родового дара, то оббегал много чиновничьих кабинетов в попытке получить официальное разрешение на подобное воздействие — по закону ментальную магию нельзя применять без согласия. Поэтому нам пришлось печатать на билетах предупреждение о том, что в театре зрителям при помощи магии будут повышать настроение и покупка билета приравнивается к разрешению на воздействие. Маэстро поначалу думал, что это отпугнёт народ — но нет, наоборот. И к нам повалили косяками, ещё и сарафанное радио включили на полную мощность. Оказалось, что очень многие не просто не против того, чтобы на них воздействовали, но даже за, если речь идёт о приятных ощущениях (тем более без последствий). Маэстро, раздувшись от гордости, повесил в холле театра копию разрешений от дознавательского и судебного комитетов, и с тех пор я подобным образом повышала настроение зрителям даже в те дни, когда не играла в спектакле.

В отличие от обычной магии родовая у меня имеется — так всегда бывает с аристократами, и никто не знает точно почему. Хотя в магии, даже в родовой, я практически не разбираюсь, но насчёт этого в курсе. Если судить по отцу, который может воздействовать на настроение собеседника по-всякому — и положительно, и отрицательно, — я то ли не унаследовала от него вторую половину дара (портить настроение у меня никогда не получалось), то ли просто не научилась своим даром пользоваться. Думаю, второе. Меня никто и не учил специально, отец в принципе игнорировал моё наличие в его жизни, с рождения, и изменилось это только после смерти матери, когда мне уже было пятнадцать. Я сбежала из дома через два года, но за это время успела насмотреться, послушаться и почувствовать столько всего, что уверилась: Алан Вилиус не просто равнодушен ко мне, он меня искренне и беззаветно ненавидит. И это теперь даже взаимно...

Родовая магия принципиально отличается от обычной — она проявляется только у аристократов и не зависит от того, насколько наполнен резерв энергетического контура. Её ещё называют магией крови, кровной магией — наверное, потому что она наследуется по отцу. Это всегда какой-либо особый дар — кто-то умеет зажигать огонь, кто-то замораживает воду, а я вот могу воздействовать на настроение тех, кого вижу. Не до состояния «море по колено», но до желания улыбаться и с удовольствием смотреть спектакль — вполне.

Лучше бы я умела метать молнии или огненные шары — толку было бы больше. Хотя... наверное, всё же нет. Маэстро Родерику подобный родовый дар точно не пришёлся бы ко двору. Конечно, наставник помогал мне не только по причине уникальной кровной магии, и, даже если бы её не было, он всё равно поддерживал бы меня, однако в таком случае я бы чувствовала себя гораздо сильнее ему обязанной. И переживала бы больше. А сейчас все долги я прекрасно

отрабатывала, приходя в театр каждый день. Играла в спектаклях и дарила зрителям отличное настроение.

Я обвела глазами полный зал, не ожидая подвоха, — и в третий раз за последнюю неделю споткнулась о взгляд мужчины, который сидел в первом ряду и словно смотрел прямо на меня — сюда, за кулисы. Глупости, наверняка он просто занавес рассматривает. И даже если смотрит на это место, где стою я, увидеть меня невозможно — маэстро здесь давно повесил иллюзорный амулет. Чтобы нельзя было разглядеть происходящее за сценой до начала спектакля, даже если грохнется занавес. За полминуты до выхода актёров амулет деактивируют, но сейчас он ещё должен работать.

Однако этот мужчина... Разумеется, ничего необычного в том, что он ходит в наш театр третий раз подряд за неделю, не было. Как не было ничего необычного и в том, что он каждый раз словно на одну меня смотрел — такое бывает. Я даже ждала потом корзин с цветами или попыток прорваться в гримёрную. Но нет, мужчина вёл себя тихо, из-за чего навёл меня на мысль, что он может быть подослан отцом. Зачем? Вариантов много — от убийства до обычного наблюдения. От Алана Вилиуса всего можно ожидать.

Мужчина был немолод, лет под пятьдесят. Точнее, он немолодо выглядел — я всё-таки подозревала в нём мага, и сильного, а сильные маги обычно долго выглядят молодыми и бодрыми. Однако этот человек то ли хотел казаться старше, чем есть, то ли действительно был пожилым. Чёрные волосы были легко тронуты сединой на висках, чёрные же глаза смотрели пытливо и внимательно. Узкое худое лицо не было красивым, более того — оно абсолютно не запоминалось. Каждый раз, когда я отводила взгляд от этого мужчины, моментально забывала, как он выглядел, и было у меня подозрение, что это тоже влияние ментальной магии. Но, естественно, более сильной, чем моя. Я даже была уверена, что моё воздействие его никак не затрагивает и не может затрагивать — если он всё же сильный маг, то не должен выходить из дома без амулетов, блокирующих кровную магию. Особенно ментальную.

В который раз за последние пять лет используя свой родовой дар, я отошла от кулис, а ещё через несколько минут напрочь забыла о мужчине в первом ряду — начались последние приготовления перед выходом на сцену, а затем и сам выход.

Спектакль сегодня был музыкальным, впрочем, в «Варьете Родерика», как официально назывался наш театр, почти все такие, просто некоторые ещё и с танцами. Нынешний был только с песнями, и они получались у меня лучше, чем танцы, — по крайней мере на мой взгляд. Маэстро вот говорил, что я во всём хороша, но это со стороны. Сама же я чувствовала, что танцы отнимают у меня больше сил.

Мы с Райзой играли двух девушек, влюблённых в одного мужчину, только героиня Райзы — счастливица, выходила за него замуж по договорённости, а моя героиня, и её подруга по роли, вынуждена была молча по нему вздыхать (герой отвечал взаимностью, но тоже издалека). Как ни странно, сюжет был не драматическим, а комедийным — в отличие от аналогичных спектаклей в Императорском театре, — и заканчивалось всё не чьей-нибудь смертью, а всеобщим счастьем. Маэстро считал, что публика в театре должна отдыхать и смеяться, а не грустить и плакать, поэтому среди наших постановок слезливая драма была только одна. Как говорил Родерик, «для разнообразия и любителей поплакать».

К концу действия я почти полностью выкинула из головы мужчину в первом ряду — несмотря на то, что тот таранился на меня весь спектакль, — и никак не ожидала, что, когда наконец уединюсь в гримёрной и начну смывать с себя краску, дверь распахнётся и на пороге окажется именно этот человек.

Появление мужчины из зала в моей гримёрной было удивительным вдвойне ещё и потому, что подобное было под запретом. Наставник не запрещал посылать актёрам цветы, но в гримёрные никто не мог пройти даже за очень большие деньги. У нас была охрана, проин-

структурированная по этому поводу, был постоянный наблюдатель из дознавательского комитета, нанятый Родериком специально во избежание любых возможных проблем, поэтому увидеть в своей гримёрной зрителя я никак не ожидала. И от удивления даже уронила на пол губку, которой смывала в этот момент грим со лба. Мужчина тут же сделал несколько шагов вперёд, отходя от двери, наклонился, поднял губку и протянул её мне, проговорив:

— Прошу прощения за подобный визит, Айрин. Но я решил, что так будет проще, чем пытаться поговорить с вами на улице. Тем более что в подобном случае нас могут услышать.

— А сейчас не могут? — поинтересовалась я, разглядывая своего неурочного посетителя. Я его отчего-то совсем не боялась. Может, потому что я в принципе давно разучилась бояться мужчин, зная, что от них в любой момент можно ожидать агрессии и оплеухи — независимо от того, боишься или нет, — а может, просто во мне говорила интуиция. Мне казалось, что этот человек для меня неопасен.

— Сейчас — нет. Я заблокировал эту возможность, — невозмутимо ответил визитёр, без разрешения усаживаясь на второй стул. Даже, можно сказать, бесцеремонно — я ведь не приглашала его ни к себе в гримёрную, ни садиться. Но он явно считал, что имеет право — и вламываться ко мне, и называть просто по имени, и брать мой стул без разрешения. Значит, на это у него есть веские основания.

— Всё-таки вы маг, — протянула я, откладывая в сторону губку. Смывать грим при посторонних у меня никогда не получалось. Хотя было неудобно — лоб-то я уже обработала. Представляю, как забавно я сейчас выглядела с разным цветом кожи. — А ощущаетесь обычным человеком.

— Вы умеете видеть энергетический контур? — поинтересовался визитёр. Судя по лицу, ему и правда было любопытно.

— То, что я «пустышка», не делает меня слепой, — кратко ответила я, и мужчина кивнул, больше ничего не уточнив.

Энергетический контур бывает только у магов. Он похож на тонкую паутину, которая обвивает тело и по которой струится магическая энергия. Так выглядит обычная магия, не родовая. Родовую же увидеть нельзя, однако можно почувствовать — это умеют все аристократы. «Пустышки» вроде меня способны чувствовать кровную магию, но не должны видеть энергетический контур — нечем смотреть, магическое зрение-то отсутствует, — и я его, как и положено, не видела. Просто чувствовала магов. Понятия не имею, как это работает, но тем не менее.

Однако сейчас я ничего не чувствовала. Значит, на моём собеседнике иллюзорный амулет, позволяющий ему выглядеть как человек без магии. Возможно, и внешность он изменяет... Или делает незапоминающейся — не зря же я моментально забывала, как выглядит этот мужчина, как только отводила от него взгляд.

— Не переживайте за вашу охрану, Айрин, — продолжал между тем мой неожиданный визитёр. — С ними всё в порядке. И я их не заколдовывал — они сами меня пропустили. Благодаря вот этому.

Он положил передо мной на стол характерную для сотрудников дознавательского комитета зелёную «корочку» — удостоверение личности, где указывалось имя и номер отдела, к которому относился сотрудник.

Имя... я забыла его, как только отдала удостоверение обратно владельцу. Запомнила только, что оно было не аристократическим. А вот отдел был указан первый, что значило...

Да демоны знают, что это вообще значило!

— Первый отдел? — усмехнулась я, глядя на то, как дознаватель убирает «корочку» обратно в нагрудный карман обычного тёмно-синего пиджака. Недорогого и слегка запylённого. — И что от меня понадобилось сотруднику первого отдела?

Все знали, что этот отдел не касается преступлений простых смертных. Убийства расследовал второй отдел, третий занимался кражами и остальными бытовыми преступлениями. В ведении же первого отдела была исключительно внутренняя безопасность — шпионаж, заговоры против императора и членов его семьи и так далее. Всё это было бесконечно далеко от меня, Айрин Вилиус, актрисы второсортного музыкального театра и аристократки без крошки магии.

Мне не было дела даже до на шумевшего закона о титулах, из-за которого нашего императора едва не убили на День Альганны почти три месяца назад. Я всё равно не собиралась замуж. Да даже если бы собиралась... Никто меня туда не возьмёт.

— Всё очень просто, Айрин, — заговорил дознаватель и усмехнулся. Не язвительно, скорее, как-то устало. — Нам нужна от вас одна услуга. Незначительная. Естественно, взамен вы тоже кое-что получите.

Сразу хотелось ответить: «Нет, ни за что», но я понимала, что подобная роскошь мне недоступна. Этот человек, несмотря на то, что не ощущался врагом, мог устроить мне проблемы не хуже, чем отец. Скорее всего, даже более значительные. Хотя бы потому, что его непосредственным начальником был Гектор Дайд — главный дознаватель и личный пёс императора.

Если, конечно, мой сегодняшний визитёр — тот, за кого себя выдаёт.

— Что за услуга?

— Очень простая, — ответил мужчина вкрадчиво. — Нам нужно, чтобы вы стали любовницей его высочества Арчибальда.

Глава вторая. Решение

Айрин Вилиус

Несколько мгновений я просто таращилась на дознавателя, как рыба на того, кто её поймал, подцепив на крючок. И так же молчала, будто бы онемев. На самом деле, конечно, голос со мной остался, просто я никак не могла сообразить, что именно должна спросить, услышав подобное... неприличное предложение.

— Я? — кашлянула в конце концов и не нашла ничего лучше, как поинтересоваться: — Почему я?

— Вы подходите, — едва уловимо пожал плечами сотрудник первого отдела. И замолчал. А мне захотелось нервно расхохотаться. Я — подхожу?! Да он шутит!

— По каким критериям? — процедила я, сцепив руки в замок перед собой. Если я этому человеку сейчас дам пощёчину, вряд ли мне это простят. — Вы думаете, что я...

— Как раз наоборот, — перебил меня мужчина, каким-то чудом поняв, о чём я хочу сказать. — Вы не похожи на женщину, у которой было много любовников. И не только не похожи — вы ею не являетесь, это нам известно точно. Его высочеству Арчибальду нравятся именно такие девушки, как вы. Красивые, целеустремлённые, неиспорченные. Вы подходите идеально, Айрин, не спорьте.

Вот он меня вроде бы похвалил, а ощущение было такое, словно в грязи измазал. Наверное, потому что я не представляла, как можно так рассуждать. «Вы подходите». Я что, пальто или обувь, чтобы подходить принцу или не подходить?!

— Хорошо, не буду спорить. Тогда объясните, что я получу взамен. Вы же сказали, что я что-то получу, правильно?

— Это деловой подход, — кивнул мой визитёр. — Да, правильно. А получите вы... вот это.

Он залез ладонью под пиджак и вытянул оттуда небольшую, но очень красивую бумажку с орнаментом по краю и гербовой печатью. И с подписью императора, от которой настолько фонило родовой магией Альго, что мне почудилось, будто в гримёрной стало на пару градусов жарче, когда я взяла документ в руки.

А потом я вчиталась в то, что там было написано... и задохнулась от шока.

Это был приказ императора о том, что право на опеку над семилетней Авророй Вилиус передаётся её сестре Айрин Вилиус. За отцом оставалось право навещать обеих дочерей, но порядок и условия свиданий, так же, как и их частоту, должен определять опекун девочки.

То есть я.

— Это шутка? — прошептала я, пытаясь скомкать документ. Все знали, что настоящие приказы императора печатаются на бумаге, которую нельзя ни скомкать, ни сложить. Хотя глупо... Я же чувствовала эманации родовой магии правящей династии, а её нельзя подделать, в отличие от особенностей бумаги. — Шутка, да?

— Нет, Айрин, — ответил дознаватель с понимающей мягкостью и улыбнулся. — Не шутка. Вы получите опекунство над сестрой, если согласитесь играть роль любовницы его высочества Арчибальда в течение нескольких месяцев. Точнее, до распоряжения его величества — мы пока не знаем точных сроков.

Я облизнула неожиданно пересохшие губы.

Да... Они знали, куда следует бить, чтобы я начала по-настоящему прислушиваться и обдумывать предложение, а не отмахиваться от него обеими руками.

— Я должна буду с ним спать?

— Не обязательно, — мотнул головой мужчина, удивив меня этим ответом до крайности. — Вам нужно будет просто увлечь его высочество. Пусть ухаживает за вами, встречается, приходит на спектакли. Допускать его до тела или не допускать — решайте сами.

Я не понимала, зачем это нужно. Арчибальд — не мальчик, неужели сам не может найти себе любовницу? Я прекрасно помнила его магпортреты*, в газетах они появлялись даже чаще портретов императора. Ещё бы — всё-таки Арчибальд был главой охранителей, специального подразделения, созданного для борьбы с демонами Геенны.

(*Магпортрет — в Альганне так называют фотографии.)

— Я должна буду что-то у него выведать? Шпионить за ним? — я ухватилась за другое объяснение. Что-то ведь надо делать с принцем, не просто же крутить с ним «любовь»?

— Нет, — в который раз за вечер огорошил меня дознаватель. — По крайней мере, пока таких инструкций не было. Его высочество Арчибальд в настоящий момент переживает болезненное расставание, его надо отвлечь.

Я нахмурилась. Как-то странно. Попереживает и перестанет, разве нет? Взрослый ведь. Глава охранителей, второй человек после императора. Не может он быть настолько чувствительным, словно какая-то барышня!

— Айрин, — усмехнулся визитёр, вновь каким-то образом поняв, о чём я думаю, — по сути — это не наше с вами дело. Я тоже человек подневольный, как и мой начальник, которому император дал задание найти подходящую для его высочества девушку. Что мы об этом думаем, его величеству неинтересно, у него свои резоны, в которые можно не вникать. Я нашёл вас и вашу кандидатуру утвердили. Теперь вы вольны соглашаться или не соглашаться. Я со своей стороны только могу пообещать, что документ, подписанный императором, не будет отозван. Больше ничего.

Я закусила губу, раздумывая над сказанным. По сути, дознаватель прав — можно не рассуждать о причинах, достаточно просто выполнить задание. Или не выполнить, отказаться. И как лучше сделать?

— Я могу подумать?

— До завтра, — кивнул мужчина. — Завтра в то же время я вновь приду, чтобы узнать ваш положительный ответ.

Я поперхнулась воздухом, а дознаватель, подмигнув мне, встал и быстро вышел из гримёрной, аккуратно прикрыв за собой дверь. Однако закрытой она долго не пробыла, почти сразу распахнулась вновь, и на пороге появился Тодд — один из наших охранников.

— Айрин, с вами всё в порядке? — поинтересовался он, обводя помещение хмурым взглядом ярко-голубых глаз. Бывший безопасник и отличный маг, он явно сейчас проверял гримёрную на наличие посторонних магических предметов или какой-нибудь следелки.

— Да, — я кивнула. — Всё отлично.

Через несколько секунд Тодд вышел за дверь, а я откинулась на спинку стула и прикрыла глаза.

«Ваш положительный ответ»...

Как ни прискорбно это признавать, но дознаватель, скорее всего, был прав.

Смыв грим и переодевшись, я поспешила домой — в квартиру, которую для меня чуть более полугода назад купил маэстро Родерик. До этого момента, начиная с семнадцати лет, я жила вместе с ним и его женой Мэган. А ещё раньше — в доме моего отца, сотрудника Судебного комитета Алана Вилиуса.

Я родилась в обеспеченной семье столичных аристократов, но по иронии судьбы мне никогда не было в ней места. Мой отец — сильный маг, мать тоже блистала талантами — она была отличным артефактором и работала до самой смерти. Умерла она семь лет назад, когда рожала Аврору, и если до этого дня отец меня просто игнорировал, как величайшее своё разо-

чарование, — впрочем, мама тоже, — то после смерти жены он словно решил сделать меня виноватой во всех бедах и принялся мстить. Никак иначе я не могу назвать его неоправданную агрессию по отношению ко мне. Он наказывал меня за малейшую провинность, причём проявляя недюжинную фантазию — то в угол ставил, то лишал еды на несколько дней, то запрещал пить, то заставлял подтягиваться на турнике, отжиматься от пола или бегать, то усаживал за решение математических задач, то просто бил. Причём по-разному — мог отвесить оплеуху (это в принципе происходило почти каждый день), мог привязать к «столбу для наказания» (был у нас такой в гостиной) и отхлестать хворостинкой по обнажённой спине или ягодицам — смотря к чему у него лежало настроение. За особенно «тяжкие» с его точки зрения провинности отец, понимая, что именно неприятно мне сильнее всего, заставлял меня ходить по дому со спущенным с груди платьем. Мне бы уже тогда понять: это был первый звоночек о том, что у отца присутствуют нездоровые наклонности. И речь не только об агрессии, к сожалению. Однако я была ещё слишком маленькой, чтобы разобраться в происходящем. Слуги, кажется, понимали, жалели меня и сочувствовали. Я много раз слышала от них горькую фразу: «Лучше бы Рини родилась не аристократкой. И почему Защитник допустил такое?»

Что касается так называемых «провинностей»... Они зачастую возникали на ровном месте и не зависели от моих стараний. Конечно, я старалась всегда, не желая получить наказание, но всё равно получала. Слишком поздно встала, слишком быстро ела, недостаточно ровно держала спину, громко шла по коридору, говорила, когда нужно было молчать, молчала, когда нужно было говорить... и так далее. Особенно зверствовал отец в связи с уроками. В обычную школу для аристократов я не ходила — естественно, что мне было делать среди магов? — в школу для нетитулованных Алан Вилиус посылать меня не захотел, ему это казалось унижением. Поэтому меня учили приглашённые учителя. И не всему, только необходимому с точки зрения отца. Литературы у меня, к примеру, не было вообще, зато было много математики, истории и естественных наук. И за ужином — а ужинать отец предпочитал в моём присутствии — меня частенько спрашивали о чём-то, что я должна была знать, и наказывали, если я плохо или недостаточно полно отвечала. В результате многочисленные знания в буквальном смысле отскакивали у меня от зубов.

Единственной моей отдушиной всегда, с самого своего рождения, была Аврора. Она родилась недоношенной, был риск, что не выживет, но сестру выходили, и с того момента, как Аврору вернули к нам в дом из Императорского госпиталя, я стала проводить с ней времени не меньше, чем её аньян*. (*Аньян в Альганне называют гувернантку или няню.) Мне безумно нравилось возиться с Рори, я её обожала, и аньян, старушка по имени Сит, видя, сколько удовольствия доставляет это общение и мне, и Авроре, держала всё в тайне от моего отца. До тех пор, пока Рори не начала разговаривать...

Конечно, объяснить двухлетке, что не надо рассказывать папе о том, как к ней ходит «Лини», было невозможно. Хотя поначалу отец не понимал, о чём ему пытается поведать Аврора, он не воспринимал её тарабарщину. Однако время шло, и он разобрался. Понял, что я проводила с сестрой много времени — а ведь он изначально запретил мне приближаться к Рори. Я не знаю почему, но он не хотел, чтобы мы были близки. Может, потому что Аврора, в отличие от меня, родилась магом? Не таким сильным, как отец и мама, но и не пустышкой, как я.

В тот день Алан Вилиус рассвирепел. До сих пор помню, какую сильную оплеуху он мне влепил — синяк потом был на пол-лица. Но на этом отец, увы, не остановился.

Я тогда впервые по-настоящему испугалась. Нет, не того, что он может меня убить — об этом я совсем не думала. Но его лицо в тот момент, когда он, рыча, зачем-то рвал на мне одежду, было настолько бешеным, что я, холодея от страха, не могла двигаться. Застыв на месте, я тяжело дышала, беззвучно плача и ожидая, когда отец прекратит.

Он прекратил. Но вместо того, чтобы ударить, как я ожидала, зачем-то погладил. Эта ласка была настолько неожиданной и абсолютно неправильной, что я распахнула глаза — и всхлипнула, заметив, с каким выражением лица отец смотрит на меня.

— Я вот думаю, Рини, — усмехнулся он со злостью, сжав мне грудь обеими ладонями с такой силой, что я едва не заорала. Вместо этого только распахнула рот в беззвучном крике, переживая приступ дикой боли — словно вместо ладоней у отца были кинжалы, которыми он меня проткнул. — Быть может, ты и не моя дочь, а? Ты на меня не похожа. И ты «пустышка». Вряд ли моя дочь может быть «пустышкой»...

Я позорно заскулила, словно побитая собака, ощущая, как по щекам от боли потоком текут слёзы. Из-за них я толком ничего не видела — кроме горящих возжеланием глаз мужчины, которого до этого вечера всё-таки считала отцом. Пусть плохим, но отцом.

Но в тот вечер всё изменилось.

— Зато ты красивая, — продолжал Алан Вилиус, склоняясь к моему лицу. — Очень. И хочешь общаться с Рори... Значит, будешь делать, что я скажу. Будешь? Кивай.

Я не понимала, о чём он толкует, и просто стояла на месте, не шевелясь.

— Кивай! — рявкнул он и, подняв одну руку, вплеп мне ещё оплеуху. Голова мотнулась в сторону, и я испуганно кивнула, мгновенно осознав, что от меня требуется.

— Умница, — заключил отец... и начал рассказывать. Что я должна буду сделать. И звучало это всё настолько отвратительно, что меня едва не стошнило ему на ботинки. Я с трудом сдерживалась, слушая всю эту грязь и понимая, что не смогу... даже ради Рори. Даже если отец будет угрожать мне смертью — не смогу!

При этом я отлично осознавала, что он не станет спрашивать. Он легко ломит любое моё сопротивление.

«Бежать!» — вспыхнула в воспалённом мозгу паническая мысль, неожиданно придавшая мне сил. Я вытерпела поцелуй, влажный и омерзительный, пообещала, что буду ждать ночью, а когда мою комнату наконец покинули, метнулась к шкафу.

Быстро покидала в сумку кое-какие вещи — хаотично, не разбираясь, что беру, — выскочила в коридор, стремительным шагом добралась до выхода из дома и на удивление легко выбралась на улицу.

Алан Вилиус просто не ожидал от меня подобной прыти. Не понимал, что я, насмерть перепуганная его поведением, решусь сбежать в никуда. Я всегда была разумной девочкой, но это был абсолютно глупый поступок. Я легко могла сгинуть или быть возвращённой домой первым же патрулем службы безопасности, но... судьба распорядилась иначе.

Я неслась по улице, не разбирая дороги и не обращая внимания, что одета не по погоде — тогда уже стояла поздняя осень, и, хотя листья ещё не опали до конца, было холодно. Однако я не ощущала никакого холода, даже наоборот — мне чудилось, что я бегу по огненной лаве, которая кусает меня за пятки... И нужно бежать быстрее, чтобы скрыться от неё. Быстрее, ещё быстрее, и ещё...

...Завернув за угол какого-то дома, я на полной скорости врезалась в мужчину, который шёл мне навстречу. Вечер был поздний, и в неярком свете фонарей я плохо его видела, но сразу поняла, что это не отец — Алан Вилиус был высокий и статный, поджарый, а мужчина, в которого я врезалась, — наоборот, невысокий, ростом почти с меня, но широкоплечий и крепко сбитый, не толстяк.

— Демоны меня раздери! — воскликнул он глубоким, хорошо поставленным голосом. Я даже замерла от неожиданности — никогда не слышала настолько красивый мужской голос. — Что это у тебя с лицом, девочка?!

— Н-н-ничего, — ответила я тихо, безумно заикаясь и дрожа, и опасаясь посмотреть на незнакомца. Нарочито отводила взгляд, стараясь спрятать повреждённую половину лица — чувствовала, что горит только одна щека. По второй отец меня тем вечером не бил.

— Вижу я это «ничего»! — возмутился мужчина. Я попыталась отойти в сторону, но он схватил меня за руку. — Стоять! Сейчас пойдём к дознавателям.

— Нет! — Я не понимала, зачем протестую. Вообще ничего не понимала, честно говоря. Я была в каком-то угаре, мне хотелось срочно вырваться из железной хватки незнакомца и убежать. Куда я не имела понятия. Просто — убежать. — Не надо!

— Надо! — отрезал мужчина, не собираясь меня отпускать. — Пока тот, кто вот это всё с тобой сделал, ещё не подправил следы собственного преступления при помощи магии. Мы сейчас у дознавателей зафиксируем побои, и ты подашь заявление на того, кто тебя побил. Он тебе кто?

Я открыла рот, облизнула пересохшие от волнения и быстрого бега губы, ощутив во рту солёный вкус крови, и едва слышно ответила:

— Отец...

— Отец, значит... — протянул мой новый знакомый. — А лет тебе сколько, девочка?

— Семнадцать.

— У-у-у... Ясно всё.

— Что вам ясно? — Я всхлипнула и неожиданно для себя самой расплакалась. — Ну что вам может быть ясно?! Что?..

Я не сопротивлялась, когда он легко притянул меня к себе, похлопал по спине, встряхнул, взяв за плечи, и произнёс, заглядывая в глаза:

— Соberись. Если ты сейчас сделаешь всё правильно, то уже к утру освободишься от опеки своего отца. До выяснения обстоятельств касательно твоего заявления о побоях он будет лишён прав на опеку над несовершеннолетней. И не сможет забрать тебя домой, даже если найдёт. У тебя на руках будет постановление от дознавательского комитета. Ты понимаешь меня?

Как ни странно, но, несмотря на шоковое состояние, я смогла понять всё, о чём говорил мне в тот вечер маэстро Говард Родерик.

Да, это был он. Отвёл меня в центральное отделение комитета к какому-то своему знакомому, где я под диктовку написала заявление о побоях и подала на отца в суд на этом основании — чтобы лишить его права на опеку окончательно. Потом вытерпела несколько магических манипуляций — дознаватели что-то делали с моей щекой, и не только с ней, со всем остальным телом тоже. Как сказал знакомый маэстро, это позволит определить, кто именно меня бил, почти со стопроцентной вероятностью. А затем выдали справку — постановление о том, что идёт разбирательство по делу номер такой-то и Айрин Вилиус имеет право не возвращаться в дом своего отца Алана Вилиуса, а он не имеет права её к этому принуждать.

Я вышла из отделения дознавательского комитета только ближе к утру, растерянная, но и окрылённая неожиданно свалившейся на меня свободой. И вздрогнула, услышав спокойный вопрос маэстро, который вышел следом за мной:

— Куда ты теперь-то пойдёшь, Айрин?

Я оглянулась. Несмотря на то, что этот человек помог мне, я серьёзно его опасалась. Потому что не верила в бескорыстную помощь. Да и в целом в людскую доброту.

— Я... не знаю.

— У меня скоро начнётся рабочий день, — огорошил меня маэстро. Я ожидала чего угодно, только не подобной фразы. — Пойдёшь со мной? А вечером что-нибудь придумаем.

— А-а-а... — Я глупо хлопнула глазами. — А где вы работаете?

— В театре.

— Вы актёр?

— Не совсем. Ну что, пойдёшь?

Мне всё равно некуда было больше идти. Хотя дознаватели говорили, что я могу обратиться в хозяйственный комитет и мне выдадут справку о праве на комнату в каком-нибудь общежитии. И можно было сделать так, да.

Но я никогда не была в театре. Я почти нигде не была — отец толком не разрешал мне даже из дома выходить, не то что посещать театр. И я решила хотя бы взглянуть на него одним глазком...

Взглянула. И влюбилась. То ли маэстро заразил, то ли я действительно встретила своё призвание...

В тот самый первый день я ещё не поняла, что в лице Говарда Родерика столкнулась с владельцем театра, — я посчитала маэстро всего лишь главным режиссёром, но мне и этого хватило, чтобы впечатлиться размахом увиденного. Для меня, чей мир все годы жизни в основном составляли только семейный особняк и небольшой внутренний двор, «Варьете Родерика» оказалось откровением. Я как заворожённая изучала коридоры, увешанные магпортретами актёров и сцен из спектаклей, зрительный зал, уставленный креслами, тяжёлый бархатный занавес лилового оттенка, деревянные подмостки, яркие декорации и, наконец, самих исполнителей. В тот день был финальный прогон перед премьерой одного из музыкальных спектаклей, поэтому все, кого я встречала, были в костюмах.

Я глядела на это всё, открыв рот и выпучив глаза, и изрядно веселила маэстро своей искренней реакцией. Он периодически посматривал на меня искоса, по-доброму улыбаясь, и всюду водил за собой, не позволяя никуда отходить надолго, только в туалет отпустил. Как он потом признался — опасался, что в самый неподходящий момент в театр нагрянет мой отец, я испугаюсь и вновь убегу. А искать меня по всей Грааге* у маэстро не было времени.

(*Граага — столица Алыганны.)

Вот так и получилось, что я весь день тенью ходила по варьете в компании Говарда Родерика. Он инспектировал осветителей и подсобных рабочих, потом проводил репетицию, а я сидела рядом, вслушивалась и всматривалась в происходящее. А во время обеда — да, маэстро потащил меня за собой и в столовую — мой неожиданный покровитель поинтересовался, нравятся ли мне в его театре.

— Очень нравится! — восхитилась я, и Родерик понимающе улыбнулся. Он всё время смотрел на меня с доброй нежностью, но я не верила в его хорошее отношение. Жизнь научила, что на жалости далеко не уедешь — меня жалели слуги, но помогать не спешили. Равнодушие, ненависть и даже жестокость были мне понятны, а вот то, что демонстрировал маэстро, — нет.

— А давай-ка после обеда я тебя посмотрю... — задумчиво протянул Родерик, и я тут же перепугалась.

— Посм-м-мотрите?..

— Да, — он кивнул и чуть нахмурился, явно заметив тревогу на моём лице. — Не волнуйся, ничего страшного. Я дам тебе распечатку сценария, считаешь со мной по ролям. Посмотри, как у тебя получается. А потом ещё споёшь.

И несмотря на то, что я чувствовала страх, слушая всё это, меня постепенно захватывал и восторг. Мне настолько понравилось то, что я видела в тот день на сцене, что захотелось попробовать и самой. Я даже не надеялась на то, что у меня получится, — однако маэстро удивительным образом приободрился после первых же прочитанных мною строк, и становился всё более радостным с каждым словом. Радостным, но и удивлённым.

— Да у тебя талант, девочка, — усмехнулся он, когда мы с ним закончили читать сцену. — Это огромная редкость — чтобы вот так сразу, без малейшей подготовки, продемонстрировать подобный уровень понимания текста... До тебя я такое видел лишь однажды, а я ставлю

спектакли уже не один десяток лет. Я могу сделать из тебя актрису, Айрин. Хорошую актрису, возможно, даже лучшую в столице. Хочешь?

Я в это время стояла на сцене и смотрела вниз, в зал, где в одном из кресел сидел маэстро. Он спокойно и ласково улыбался мне — но я опасалась этой улыбки. В ней не было той жёсткости, что всегда присутствовала в ухмылках отца, но я не верила, что Говард Родерик достаточно искренен. Возможно, он и не будет меня бить, но...

Однако я отлично понимала, что выбор небогат — либо я соглашаюсь на предложение маэстро, либо иду на все четыре стороны. Панический угар, в котором я существовала накануне, ушёл, и теперь я соображала гораздо лучше. И понимала, что без покровителя мне просто не выжить. У отца есть деньги и связи, и он вернёт меня к себе в дом, если захочет. А он захочет.

Поэтому, отвечая в тот день Родерику, я не мечтала о карьере актрисы. Я думала только о том, как бы вновь не оказаться в руках отца.

— Хочу, — ответила, вздохнув, и маэстро кивнул.

— Отлично, тогда с завтрашнего дня начнём учиться. Кстати... я ещё не слышал, как ты поёшь. Возьми последний листок из тех, что у тебя в руке, и попробуй напеть песню оттуда.

Через минуту выяснилось, что у меня есть и слух, и голос, и Родерик засветился от радости. Теперь, спустя пять лет, я понимала, что его реакции были связаны с осознанием собственной удачливости — девочка, которой он решил помочь, оказалась талантливой! И не просто талантливой, а очень способной. Зная, насколько тяжело бывает найти алмаз среди груды обычных стекляшек, сегодняшняя я понимала маэстро гораздо лучше. Но в то время, наблюдая его улыбку, я внутренне содрогалась, думая о том, что всё, о чём говорил отец перед моим побегом, придётся делать с этим человеком. И надеялась лишь на то, что он будет более ласков, не станет меня бить и унижать.

Но повезло тогда не только Родерику. Мне тоже. И гораздо сильнее, чем ему.

После окончания рабочего дня маэстро привёл меня к себе в дом. Он находился неподалёку от варьете, на соседней улице. Я не удивлялась и не сопротивлялась, смирившись с тем, что, скорее всего, ночевать мне придётся в комнате Родерика.

Однако в прихожей нас неожиданно встретила женщина, оказавшаяся женой маэстро, и картина выстроенного мной в последние часы мира покачнулась. Я не ожидала, что мой покровитель женат, и растерялась, не понимая, как он собирается... А Мэган между тем, ласково улыбаясь, показывала мне отдельную комнату, где я буду жить, ванную — не отдельную, общую, — и проводила на кухню, большую и просторную, чтобы накормить.

Мэган с самого начала отнеслась ко мне как к несправедливо обиженному ребёнку и окружила заботой. Вот только эффект получился обратный — вместо того чтобы расслабиться, я запаниковала и напряглась, не понимая, чего мне ожидать. Привыкнув в лучшем случае к холодности, да и не осознавая, по какой причине абсолютно незнакомая женщина может хорошо относиться ко мне, я терялась и теряла связь с реальностью. Мой мир, равнодушный и жестокий, просто рассыпался, как картонный домик, от одних только лёгких прикосновений к нему маэстро Родерика и его жены.

После ужина меня отправили в комнату, выделив кое-какие вещи для сна, и я наконец осталась одна. Положила стопку с бельём на кровать, огляделась — комната была маленькая, но милая и светлая, и мне бы здесь даже понравилось, если бы не тревожность и волнами накатывающий страх от непонимания происходящего, — и только я собиралась встать и подойти к окну, чтобы посмотреть на улицу, как в дверь постучали. Я тут же сжалась, замерев, словно мышь, которая чувствует подкрадывающуюся к её норе кошку, и нервно сглотнула, когда в комнату, не дождавшись ответа, шагнул маэстро.

Он уже переоделся и в домашнем тёмном костюме, похожем на пижаму, внушал ещё больший страх, чем в обычной дневной одежде.

— Айрин, — вздохнул Родерик, глядя на меня с каким-то странным выражением на лице. Он будто бы был растерян. — Я пришёл поговорить. Мэган мне кое-что объяснила, а я, дурак, всё думал: и чего ты так странно себя ведёшь?.. Я не собираюсь тебя трогать, клянусь. Я просто хочу помочь.

— Так не бывает, — прошептала я, стиснув руки перед собой. — Не бывает...

— Откуда ты знаешь, что бывает, а что нет? — покачал головой маэстро, тяжело вздохнув. Его тёмно-карие глаза были полны сочувствия. — Судя по тому, что я услышал в дознавательском комитете, ты ещё ничего в жизни не видела, девочка. По крайней мере, хорошего.

Я промолчала, не зная, что ответить. Маэстро был абсолютно прав, я это осознавала даже тогда. Единственным хорошим в моей жизни была Аврора, но она...

Вот тут я наконец о ней вспомнила. И ощутила стыд и безумное чувство вины. За то, что бросила, покинула свою маленькую любимую девочку, свою двухлетнюю сестрёнку, которая осталась там, в том доме, в одиночестве против настоящего чудовища...

В голове помутнело, и я, всхлипнув, вскочила с кровати и бросилась вперёд. Попыталась обогнуть Родерика и выбежать в коридор, но маэстро схватил меня за руку и прижал к себе.

— Ну что опять?! Айрин! — Он с силой тряхнул меня, вглядываясь в глаза. — Приди в себя! Не нужно убегать каждый раз, как вспомнишь о том, что тебя беспокоит. Просто открой рот и расскажи мне, в чём дело!

Голос маэстро, сильный и глубокий, с самого начала действовал на меня подобно отрезвляющей пощёчине, только в хорошем смысле слова, — я начинала соображать, но без резкой боли. И, пусть мой рассказ перемежался рыданиями, я всё-таки смогла донести до Родерика свою беду.

— Айрин, — когда я закончила, мужчина взял моё лицо в ладони и, вновь глядя мне в глаза, не отрываясь, серьёзно и почти по слогам произнёс: — Завтра пойдём к дознавателям. Напишешь ещё одно заявление — уже о предоставлении тебе возможности видаться с сестрой. Основания для отказа нет, тебе не станут препятствовать. Кроме того, твоё предыдущее заявление можно использовать как инструмент для давления на твоего отца. Если оно всплывёт, это повредит его карьере законника. А уж если поднять шумиху в газетах... А у меня есть такая возможность, поверь. Поэтому сестру ты обязательно увидишь. Ты понимаешь меня, девочка?

— Да-да, — прошептала я, непроизвольно вцепляясь пальцами в плечи маэстро с такой силой, что он даже чуть поморщился. — Простите... Но это ведь не каждый день, а я...

— Айрин, тебе семнадцать. Официально опекуном несовершеннолетнего можно стать только с двадцати одного года. С этим мы ничего не способны сделать. Но, как только тебе исполнится двадцать один, ты подашь в суд на оспаривание права опеки. На основании того заявления, которое оставила в комитете прошлой ночью.

Я задохнулась одновременно от шока и восторга. В тот момент своеобразное лицо маэстро Родерика со слишком резкими чертами и чересчур кустистыми бровями показалось мне настолько прекрасным, что, если бы он начал вдруг меня целовать, я бы точно не стала сопротивляться.

— Вы думаете, у меня... получится? И я смогу забрать Рори? — полузадушенно прошептала я, смаргивая слёзы с глаз.

— Я не буду тебе врать, девочка, — серьёзно ответил маэстро и погладил меня по волосам. — Может получиться, но не факт. Однако попробовать в любом случае стоит. Только это будет сложно, предупреждаю.

— Я готова! — воскликнула я почти патетично, и Родерик засмеялся.

Тогда я ещё не понимала, а он и не подумал объяснять, что дело не в моей готовности или неготовности и вообще это будет не совсем моя война.

Скорее, война миров. Аристократического, привилегированного, которому можно делать абсолютно всё, не опасаясь наказания, и мира нетитулованных магов, которым приходится биться за справедливость и равенство. Мира, который не хотел жить в вечной войне, но был вынужден это делать.

Я вынырнула из своих мыслей уже возле дома, в котором жила последние полгода. Так задумалась, что и не заметила, как добралась, и не помнила, как садилась в заказанный магмобиль...

Пешком я до дома не ходила, несмотря на то, что идти было недолго — не более получаса. Маэстро просил, говорил, что с моего отца станется устроить какое-нибудь покушение. Я была с ним солидарна, поэтому каждое утро и вечер тратилась на заказ транспортного средства, чтобы добраться до варьете или вернуться из него. Возле дома, в котором находилась моя квартира, была огороженная территория, там круглосуточно сидел охранник, поэтому сильного риска уже не было. Существовала, конечно, вероятность, что отца это не остановит, но и я не могла всё время сидеть взаперти. Да и до сих пор он ограничивался законными методами — если не считать клевету, — и, возможно, будет ограничиваться ими и впредь. У меня была причина так думать. Отец всё же дорожил своей должностью и местом в обществе, и гораздо сильнее, чем опекой над Авророй. Он не хотел отдавать мне сестру только по причине того, что не желал проигрывать. Сама же Рори была ему не особенно нужна. Я это знала, поскольку виделась с ней минимум два раза в неделю.

Я выбралась из магмобиля и зашла в дом. Это было недавно построенное здание на одной из тихих улиц Новой Грааги — четырёхэтажное, по две квартиры на этаж. Моя была двухкомнатной и вполне приличной, с кухней и просторной ванной комнатой. Куплена она была на мою зарплату, скопленную за пять лет работы в театре маэстро, ну и на штраф, который в итоге выписали Алану Вилиусу в результате рассмотрения моего заявления о побоях. Его вина была доказана, и суд присудил мне приличную сумму в качестве компенсации, кроме того, отца лишили родительских прав в отношении меня. До совершеннолетия мне тогда оставалось девять месяцев, и эти месяцы моим опекуном числился Говард Родерик. До сих пор помню, каким злым было лицо отца, когда судья зачитывал заключение... Мне даже показалось: ещё чуть-чуть — и айл Вилиус кинется на него, или на меня, или на маэстро, который в тот день пришёл со мной в суд. Но ничего подобного не случилось, и даже апелляцию мой бывший родитель не стал подавать. Как сказал Родерик: «Ничего удивительного, он же всё-таки законник — понимает, что результата не будет. Решение вынесено на основании экспертизы».

Право на то, чтобы встречаться с Авророй, мне тоже было предоставлено, но этот факт оказался принят Аланом Вилиусом легче, чем выписанный штраф и лишение родительских прав. Он поскрипел зубами, но по требованию суда выделил время для свиданий с Авророй. Старушка Сит должна была приводить её на встречи со мной, отец при этом не должен был присутствовать — тоже по решению суда, из-за доказанного факта побоев.

Поднимаясь на лифте на свой этаж — я жила наверху, на четвёртом, — я улыбалась, вспоминая нашу первую после моего побега встречу с Рори. Я боялась, что сестрёнка меня забудет — всё же на тот момент прошло уже около двух месяцев нашей разлуки... Но нет — Аврора помнила. И встретила меня оглушительным визгом, слезами и лепетом: «Рини, Рини, Рини!». Оказалось, что за прошедшие месяцы аньян научила её говорить букву «р»...

Я открыла магическим ключом дверь в свою квартиру, вошла в прихожую, разулась и устало опустилась на пуф. Потёрла ладонями лицо и откинулась к стене. Свет я так и не включила — после ярких софитов, бьющих в глаза всё время спектакля, мне даже нравилось сидеть в полумраке.

Я всегда старалась смотреть правде в глаза и не лгать в первую очередь самой себе. Итак, что мы имеем сейчас? Есть ли у меня шанс выиграть тяжбу, не принимая «неприличное пред-

ложение» сотрудника первого отдела? Есть. Насколько он велик, сказать сложно, но грубо можно оценить как пятьдесят на пятьдесят. И то, скорее всего, с натяжкой.

Да, отец бил меня, и этот факт был доказан. Но с Авророй он, слава Защитнице, ничего подобного не проделывал. Она жила в хорошем доме, нормально ела, у неё была аньян, и с прошлой осени айл Вилиус начал приглашать к сестре учителей. Он не любил Аврору, но и не ненавидел точно. Ей с ним не так уж и плохо жилось, гораздо лучше, чем мне. Однако, когда Рори спросили, с кем она хотела бы жить, она откровенно ответила: «С Айрин». И если бы не это, возможно, судья уже принял бы отрицательное (для меня) решение. Но сестра сказала: «С Айрин», а отец слишком много врал следствию, ещё и бил меня в прошлом. Поэтому рассмотрение дела затягивалось.

Тот факт, что айл Вилиус соврал насчёт моей распущенности, конечно, тоже сыграет свою роль в мою пользу. Но, перетянет ли он симпатии судьи в мою сторону или нет — вопрос. Я очень надеялась, что да, но... вдруг нет? Проиграть мне бы не хотелось.

Я усмехнулась и поморщилась, понимая, что в целом зря обо всём этом рассуждаю, ведь на самом деле уже приняла решение. Я приняла его ещё в тот момент, когда вместо того, чтобы пойти к маэстро — рассказать о визите сотрудника дознавательского комитета и посоветоваться, просто пошла домой.

Мой сегодняшний визитёр был прав... Я не могу позволить себе отказаться. Я и так уже пять лет как разлучена с Рори, мне мало наших встреч. Я хочу, чтобы сестра жила со мной. Хочу возвращаться не в пустую квартиру. Хочу, чтобы я могла обнимать Аврору каждый день — и утром, уходя на работу, и вечером, перед сном. Мы с ней — семья, мы должны быть вместе.

Поэтому я приму это предложение. И сделаю всё от меня зависящее, чтобы не оплошать. В конце концов, я ведь уже играла роль влюблённой девушки на сцене... Тут тоже нужно сыграть, только в жизни.

Буду думать, что это спектакль. Да, вот так. Всего лишь спектакль — не более...

Глава третья. Приворот

Айрин Вилиус

На следующий день я встала с кровати с чугунной головой. А всё из-за того, что ночью толком так и не смогла уснуть, думая о произошедшем. И о своём решении.

Но наивысшую тревогу, как ни странно, вызвали не воспоминания и не рассуждения о том, какая из меня получится любовница — с моими-то фобиями. Просто в середине ночи я умудрилась вспомнить, что все Альго, в том числе двоюродный брат императора его высочество Арчибальд, — эмпаты. То есть они способны ощущать эмоции окружающих. И защититься от их эмпатии, насколько я помню, невозможно.

Я пришла в такое волнение, что встала с постели и несколько минут бегала туда-сюда по спальне, взволнованно, прерывисто дыша и постоянно сглатывая, несмотря на то, что в горле давно пересохло. Сходила на кухню, выпила несколько стаканов воды, съела какое-то древнее печенье, случайно завалившееся в вазочке, потом отправилась в ванную, умылась ледяной водой и, глядя на себя в зеркало — бледную, с красными глазными белками, — признала честно и откровенно: если у дознавательского комитета нет способа обмануть родовую магию правящей династии, то из меня при всём старании не выйдет хорошей любовницы. Я могу делать вид, что влюблена, — да. Но я не способна быть влюблённой на самом деле! И принц Арчибальд обязательно почувствует мою неискренность. И не только её — он точно сможет ощутить мой страх. Какая любовь, если меня внутренне трясёт уже от одной мысли об объятиях этого человека?..

Я выпила ещё воды, вернулась в спальню и принялась рыться на полках, где лежали старые номера журналов и ежедневной столичной газеты «Золотой орёл». Я почему-то не умею выбрасывать печатную продукцию и всегда аккуратно складываю её на полках. Вот и пригодилось... Портрет его высочества там наверняка есть. Хотя я помнила, как выглядит двоюродный брат императора, но... прямо скажем — не очень отчётливо. Я к нему не присматривалась. Зачем? Вся аристократия была от меня бесконечно далека, несмотря на мою аристократическую фамилию.

Аристократа в Альганне легко отличить не только по наличию родовой магии, но и по имени с фамилией. По закону только аристократы могут называть своих детей на «А», «Б» или «В» — на другие буквы нельзя. Так же, как нетитулованным нельзя называть детей на три начальные буквы алфавита. Кроме того, все фамилии аристократов заканчивались на «ус». Все — кроме фамилии правящей династии. Они были Альго. Почему так, никто не знал — а я тем более. И будь моя воля, я предпочла бы поменять хотя бы фамилию... Но по закону это было невозможно.

А вот и портрет Арчибальда... Причём даже в полный рост, мне, можно сказать, повезло, и я могу оценить своего «любовника» целиком. Судя по всему, двоюродный брат императора не слишком высокий — скорее, коренастый. По крайней мере, его величество, стоящий на этом же снимке рядом, был выше минимум на полголовы. И вот уж чьей любовницей мне совсем не хотелось быть — в отличие от Арчибальда, на лице которого была хотя бы вежливая прохладная улыбка, лицо императора казалось выточенным из камня, абсолютно безэмоциональное. И глаза ещё эти... чёрного цвета, с неестественно широкой радужкой, почти без белков... Бр-р-р! Если думать в подобном направлении, можно признать, что мне повезло. Лучше уж Арчибальд! Широкие плечи и вообще мощная, какая-то звериная, медвежья фигура, но при этом черты лица правильные и приятные, без грубости. Мне даже понравилось на него смотреть — красивое лицо. Хотя... нет, не так. Скорее, не красивое, а выразительное. В отличие от лица императора, по которому нельзя было понять совершенно ничего ни о его характере,

ни о мыслях, у Арчибальда лицо было живым. И сочетало в себе, казалось бы, несочетаемое — и жёсткость, и мягкость...

Да, я не зря подумала о зверином — так и в животных может сочетаться удивительно мягкая и тёплая шерсть, трогательные подушечки на лапках, из которых при необходимости выставляются острые и длинные когти, способные перерезать горло за одну секунду. Так и брат его величества, я уверена, был мягок и мил на этом магпортрете абсолютно обманчиво.

И тем не менее Арчибальд мне понравился. И нравился ровно до того момента, как я попыталась представить, что обнимаю его или целую. После этого сразу — нет!

Да, если у дознавательского комитета нет средства, чтобы как-то повлиять на эту мою фобию, то вряд ли из их затей выйдет что-то путное с моим участием. И лучше бы им подобрать другую кандидатуру.

Вот это всё я и решила озвучить своему вчерашнему визитёру. Может, после такого предложение сыграть любовницу Арчибальда будет отозвано?..

Удивительно, но я, наверное, должна была обрадоваться, подумав нечто подобное. Однако рада я отчего-то не была... И ворочалась ещё с полчаса, пока всё-таки наконец не уснула, чтобы почти сразу проснуться от звонка будильника.

В театр мне сегодня нужно было ближе к обеду, а вот с утра я встречалась с Авророй.

О месте и времени встречи мы всегда заранее договаривались со старушкой Сит. Отец к этому никакого отношения не имел, он давно самоустранился и не мешал нам с Авророй видеться. Скорее всего, не хотел проблем на работе — после того, как Алану Вилиусу присудили штраф и признали виновным в побоях, начальник понизил его в должности в качестве наказания за содеянное. И не уволили отца только потому, что тот был хорошим работником. Но случившееся больно ударило по его карьере, это я знала точно — и от старушки Сит, и от маэстро, у которого, разумеется, тоже были знакомые и друзья в судебном комитете.

Мы с Рори чаще всего встречались в центральном парке — любили это место. Там можно было и просто погулять, и посидеть в маленьком кафе, и поиграть во что-нибудь на улице. Правда, это летом, а сейчас, в начале апреля, пока не до подвижных игр на воздухе. Хотя весна в этом году выдалась тёплая, и я уже неделю как перестала носить шапку.

Сит привела Аврору в парк к девяти часам, сразу после завтрака, но сестра, как только увидела меня, тут же заявила:

— Так, Рини точно не ела! Пошли сейчас же в кафе, тебя срочно надо накормить!

— С чего ты взяла, что я не ела, Рори? — улыбнулась я, кивнув анян сестры. Морщинистое лицо старушки Сит было довольным — значит, дома всё хорошо и айл Вилиус вчера не лютовал. Впрочем, это объяснимо, он ведь наверняка считал, что сможет выиграть дело. Скорее всего, отец полагал, будто я и впрямь являюсь любовницей маэстро Родерика. Удивительно, но вчерашний дознаватель, кажется, был уверен в обратном.

— Да ты бледная как поганка! — возмутилась Аврора, замахав на меня руками, будто проверяла: унесёт ветер или нет. — И синяки под глазами размером с мой кулак! Куда только смотрит маэстро?!

Я не выдержала и засмеялась: настолько возмущённым был голос Рори. Родерика она обожала, как и он её. Мой наставник и его жена прожили в браке несколько десятков лет, но детей так и не нажили, по крайней мере, кровных. Приёмных у них было четверо, если не считать меня, и целая орава внуков. Наверное, по этой причине и маэстро, и его жена изначально отнеслись ко мне словно к родной — для них было привычным относиться к чужим детям как к своим. А почему своих не было, я не знала — никогда не спрашивала, а Говард и Мэган не говорили.

— Маэстро пишет очередную пьесу. Ему не до меня, — ответила я, подошла ближе и обняла Рори. Уткнулась носом в её волосы, такие же кудрявые, как у меня, только не распу-

ценные, а заплетённые в косу, и глубоко вздохнула. Рори, как всегда, пахла чем-то сладким, молочным. Так пахнет сливочное мороженое в стаканчике, блинчики со сгущённым молоком, ириски из кондитерской... Как же я обожаю этот запах! Мне всегда казалось, что Рори пахнет счастьем. И беспечным детством, которого у меня никогда не было. Хотя у неё — тоже. Её детство было намного лучше моего, но... далеко от идеального. Я старалась дать ей всё тепло, которого так не хватало мне, и радовалась, когда видела на лице сестры счастливую улыбку.

И всё-таки это замечательно — когда тебя любит хотя бы кто-то...

— Пьесу? — с интересом спросила Рори, обнимая меня в ответ. Провела ладошкой по щеке, всматриваясь в лицо, и вновь нахмурилась. — Нет, ты точно последний раз ела Защитница знает когда! В кафе, срочно идём в кафе! А по пути Расскажешь нам с Сит про новую пьесу маэстро.

— Да я толком и не знаю ничего, Рори. Говард говорил, что приключения, любовь, немного детектива... И много песен. Всё, как мы с тобой любим, в общем.

— Это будет шедевр! — заключила сестра. Всё, что делал маэстро, она называла шедевром, и вообще мечтала стать актрисой, как я. Или режиссёром, как Родерик. Я никогда не рассказывала Авроре, что выбрала эту профессию не потому, что она мне нравилась, — просто так совпало, выбора у меня не было. А будь выбор... Кто знает? Сейчас я уже не представляла своей жизни без театра, но захотела бы я работать актрисой, если бы не встреча с маэстро? Вряд ли. И я не желала Рори своей судьбы, мне бы больше хотелось, чтобы она стала врачом или артефактором... Но пусть выбирает сама. А пока это всего лишь мечты.

Мы сидели в кафе около часа — я рассказала всё, что знала о новой пьесе маэстро, и о вчерашнем судебном заседании. Сит и Рори поделились впечатлениями от поведения Алана Вилиуса — придя домой накануне вечером, тот был в приподнятом расположении духа и даже выпил за ужином, что действительно было редкостью — отец чаще всего не позволял себе расслабляться на рабочей неделе, а вчера был понедельник. Значит, действительно считает, что есть огромный шанс закончить нашу с ним тяжбу в его пользу...

— Всё в порядке, Рини? — обеспокоенно поинтересовалась Аврора, поёрзав в кресле. Её голубые глаза — такие же, как у меня, только чуть светлее, — тревожно сверкали. Мы с Рори вообще смотрелись рядом копией друг друга, только она маленькая, а я большая. — Ты же заберёшь меня, да? Всё равно заберёшь?

О том, что случилось между мной и Аланом Вилиусом, Рори не знала. Она думала, что я сбежала из дома просто потому, что он не любил меня — так же, как и её. Только меня он ещё и немножко презирал, как «дефектную». Конечно, про то, что отец меня всячески наказывал и даже бил на протяжении пяти лет, я не рассказывала. И, если бы Алан Вилиус вёл себя с Рори иначе изначально, у меня не было бы шансов забрать её. Когда-то давно она тянулась к отцу, как все дети, безусловно любящие своих родителей. Но он не отвечал взаимностью — и Рори смирилась. Хотя мне казалось, что она порой мечтает, как мы с отцом помиримся и станем жить вместе.

— Конечно, заберу, — ответила я с твёрдостью, которой, к сожалению, не ощущала.

После встречи с Рори и Сит я, как и обещала маэстро, зашла в Императорский госпиталь — за той самой «справкой о невинности». Её выдал мне сам главный врач, ворча что-то под нос про «однокурсников, которые совсем обнаглели», — и я, услышав это, напряглась, потому что он был аристократом. Хотя выглядел старше, чем маэстро, но у магов, особенно у сильных, с внешностью и её возрастными изменениями вообще непонятно что творится. Родерик пытался мне объяснить, как это работает и от чего зависит, но я толком не поняла. Помню лишь, что большую роль там играет так называемый «психологический возраст» — вот, видимо, главный врач Императорского госпиталя ощущал себя лет на шестьдесят, раз выглядел он соответственно. Седой, в очках...

— Держите, Айрин, — вздохнул он, протягивая мне справку. — Только печать поставьте в регистратуре. Я поставил свою личную, но ещё нужна общая печать госпиталя. Они там заодно эту справку скопируют. Так что, если ваш горе-отец её ненароком порвёт в порыве ярости, сделаем ещё одну.

Я очень удивилась, услышав это «горе-отец», — всё-таки аристократии было свойственно презирать таких, как я, — но в голосе этого мужчины мне чудилось скорее сочувствие...

А потом я прочитала содержимое справки — и вовсе онемела. Потому что там было написано, что я не просто невинна, а...

«Магической экспертизой, позволяющей определить содержимое флоры всех слизистых, установлено: Айрин Вилиус не имела никаких половых контактов последние пять лет».

— А-а-а... — почти провыла я, наверное, покраснев как свёкла. И попыталась скрыть собственное смущение под вопросом: — А такое возможно установить?

— Как ни странно, но да, — хмыкнул главный врач Императорского госпиталя, с интересом изучая моё малиновое лицо. — Недавнее открытие Института артефакторики, кафедры медицинских приборов. Не буду вам объяснять подробности, а то вы совсем смутитесь. Говард просто предупредил меня, какая именно формулировка понадобится. Видите ли, ваш горе-отец может оспорить эту справку, если я напишу в ней просто «девственница». Есть ведь и другие способы... получить удовольствие.

— Да, — я кашлянула, — я знаю. И он мог бы, конечно...

— Теперь не сможет, — мужчина пожал плечами. А мне было безумно неловко, потому что я даже умудрилась не запомнить, как его зовут. Я шла к главному врачу и везде говорила, что к нему, не используя имя. Не думала, что понадобится...

— Спасибо вам, — искренне поблагодарила я и замерла от неожиданности, услышав спокойное:

— Не за что. Кстати, Айрин, мой зять, муж моей старшей дочери, — такой же, как вы. Он работает здесь заведующим родильным отделением. И у них с моей дочерью четверо прекрасных детей. Все с резервом более восьмидесяти пяти магоктав*.

(*Сила мага измеряется в магоктавах. Энергетический контур мага — как сосуд, куда вмещается сила определённого диапазона. Абсолютная величина — сто магоктав. Сильнейшие маги — архимагистры — почти всегда с резервом более восьмидесяти магоктав.)

От неожиданности и безапелляционной простоты сказанного у меня даже слёзы на глазах выступили. Я хотела спросить, не шутит ли он, но вновь онемела... Даже толком не попрощалась, просто кивнула, ощущая, что с трудом могу дышать, и почти выбежала из кабинета.

Остановилась, посмотрела на дверную табличку — золотые буквы на ней гласили: «Главный врач архимаг Брайон Валлиус». Значит, вот как его зовут...

Получается, не все аристократы презирают «пустышек»... И даже... выходят за них замуж? Как дочь Брайона Валлиуса. Он сильный маг, и она, наверное, тоже? И дети родились нормальными, не «пустыми»...

Я была в таком смятении, что с трудом нашла дорогу до выхода из госпиталя. И никак не могла понять, что в конечном итоге чувствую после всего услышанного.

Я ведь давно смирилась, что никогда не выйду замуж и, скорее всего, не рожу. Но, оказывается, это вовсе не обязательно... И бывает иначе.

Может, и у меня когда-нибудь будет?

С учётом выданной справки я в очередной раз всерьёз задумалась о том, не отказать ли мне сотруднику дознавательского комитета? Теперь шансы выиграть дело повышались. Жила ведь я как-то раньше без предложения стать любовницей принца и без этого документа об опеке, подписанного императором? И дальше могу прожить. Наверное. Вот только не стану ли я в дальнейшем кусать себе локти, что не воспользовалась ситуацией? Что не схватилась

за гарантированную возможность вырвать Рори из лап нашего отца? Что поддалась страху и сомнениям?..

Конечно, мне хотелось верить, что я смогу выиграть тяжбу и сама, но ведь не факт! И сколько ещё месяцев придётся провозиться? А то и лет... Дознаватель сказал, что мне нужно сыграть роль в течение нескольких месяцев, но точных сроков они пока не знают. Однако даже с учётом этой расплывчатой формулировки я понимала, что долго моя роль не продлится, — суд точно будет идти дольше. Не продлится хотя бы потому, что такому человеку, каким мне представлялся двоюродный брат императора — а он наверняка избалован женским вниманием, — я, простая актриса варьете без капельки магии и без высшего образования, надоем в два счёта. Ну ладно, не совсем простая — я числилась ведущей актрисой, так называемой примой. Но это же ерунда. Как можно сравнивать главу охранителей и члена правящей династии с аристократкой-«пустышкой»? С чего сотрудники комитета взяли, что Арчибалд на меня клонет, я так и не смогла понять. Если только я не похожа на какую-нибудь его бывшую любовь... тогда бы это всё объясняло.

— О чём ты так глубоко задумалась? — поинтересовался Фардин Равви — на афишах у нас его обозначали как «Фар Рив», — художник-постановщик танцевальных номеров. Я, в этот момент снимавшая с себя пальто, чтобы отдать его в гардероб, слабо улыбнулась и пожала плечами.

— Да так, ни о чём. Роль повторяю.

С Фардином я общалась ровно, если не сказать хорошо, — потому что, если бы не он, я бы в жизни не смогла играть роли в танцевальных спектаклях. По просьбе маэстро он убил на меня целую кучу времени, но всё-таки научил всему. Сам Фардин, увы, давно не танцевал из-за старой травмы — когда-то давно упал с большой высоты, в Императорском госпитале его собирали по кускам. Собрали хорошо, но танцевать с прежней лёгкостью у него теперь не получалось, и перфекционист Равви ушёл в художники-постановщики. Всё это случилось задолго до того, как я начала работать у маэстро, лет десять назад. Сейчас Фардину было под пятьдесят, но выглядел он моложе. Хотя магом был слабым — десять магоктав. Как он говорил: «Ни о чём».

В поведении Равви для меня был несомненный плюс — он интересовался мною не больше, чем пылью на подоконнике. Я была не в его вкусе — слишком бледная и тонкокостная. Удивительно, но танцовщик Фардин — сам высокий и стройный, спортивный, со смуглой кожей, чёрными волосами и чёрными же глазами с пушистыми ресницами — предпочитал толстущек. И несколько лет уже ухаживал за одной из наших гримёрш — очень полной женщиной, чья грудь была величиной с мою голову.

— Ро-о-оль, — протянул Фардин, легко и непринуждённо вспрыгивая на стол, отделяющий гардеробную от фойе, из-за чего заслужил укоризненный взгляд нашей гардеробщицы Жанин. — Не сердись, Жан, я ненадолго. Пока эта копуша не распутает свой шарф. И какую же роль ты повторяешь, Рини? Ты ведь сегодня играешь немую. И только в конце говоришь две фразы.

— Вот их и повторяю.

— Да ладно тебе. Поговаривают, маэстро там новую пьесу пишет. Ты наверняка знаешь о чём. Рассказывай, — хмыкнул Фардин и, наклонившись, слегка ущипнул меня за бок, отчего я подпрыгнула, моментально выныривая из своих мыслей.

Равви всегда был бесцеремонным. Но ему всё прощалось — просто за красивые глаза. Его мать была родом из Корго, чёрными глазами и смуглой кожей Фардин пошёл в неё. Так же, как и короткими кудрявыми волосами. Маэстро постоянно давал Равви роли то коварных соблазнитель, то нечистой силы — такое уж у него было амплуа.

— Откуда я знаю о чём? — огрызнулась я, потеряв бок. — Или ты тоже считаешь меня...

— Да шаз, — Фардин закатил глаза. — Я слишком давно знаком с маэстро, да и с тобой тоже. Кстати, о слухах. Ты знаешь, кто был их инициатором?

— Понятия не имею. Кто-то из актёров, наверное. Какая разница?

— Да так, — танцовщик задумчиво наморщил лоб. — Есть мысль. Может, ерунда, а может, и нет. Меня тут «Театр Бернадет» переманить пытались.

— Так они наши конкуренты, ничего удивительного...

Театров подобных нашему в Грааге было всего четыре — включая Императорский. Но ему, разумеется, не было нужды с нами конкурировать, там всегда аншлаги. Близкий к нему «Арбалет» ставил в основном танцевальные спектакли, и исключительно классические, и тоже не жаловался на отсутствие публики. А вот «Театр Бернадет» в последнее время стал менее популярен. Его владелица, аристократка по имени Бернадет Бэриус, безумно красивая женщина, но редкостная стерва, была отличным управленцем, но режиссёрского таланта (и тем более литературного) у неё не имелось. И да, она периодически пыталась переманить кого-то из команды маэстро — и некоторых даже удавалось. Платила она действительно больше.

— Ничего удивительного, говоришь... — протянул Фардин, спрыгнул со стола и, подойдя ближе, ухватил меня за локоть. — Пошли-ка в столовую, потолкуем.

— Так сейчас же репетиция...

— Ещё почти час. Успеешь ты переодеться, Рини, я не отниму много времени.

Я пожалала плечами и последовала за Равви, хотя и не очень понимала зачем. Но раз ему так хочется...

— Так вот, — сказал Фардин, как только мы сели за столик, — меня пытался переманить не работник кадровой службы, как бывало раньше, а сама Бернадет. Странно, правда?

— Не знаю, — я пожалала плечами. — Может, она кадровика уволила?

— Нет, на месте он, я интересовался у знакомой, которая в её театре танцует. Поэтому и насторожился, что это всё как-то... Кроме того, она не просто переманивала меня к себе — она расспрашивала меня о тебе.

— Тоже хочет переманить?

— Если бы хотела, задавала бы другие вопросы. А она пыталась вызнать, какое отношение ты имеешь к Родерику, правда ли ты его любовница или это только слухи.

— Ну-у-у... — протянула я, пытаюсь понять, что мне пытается втолковать Фардин. — Наверное, Бернадет собирается сделать мне какое-то предложение и хотела выяснить, насколько соблазнительным оно должно быть. Если я не любовница — один вариант, если любовница — другой. Причём, если второе, можно вообще ничего не предлагать.

— Почему же? Рини, взгляни правде в глаза, я знаю, ты умеешь. Многие считают, что маэстро заставил тебя, и ты с ним не по своей воле. Потому что деваться тебе некуда. О том, что ты сбежала из дома, знают все, и догадываются, по какой причине. Тебе был нужен покровитель — вот ты и, извини, легла под маэстро. Или будешь утверждать, что сама не рассуждала когда-то подобным образом?

— Откуда ты знаешь? — я сглотнула, вытаращив глаза. Сейчас мне уже было немного стыдно за те свои мысли по отношению к Говарду Родерику.

— Это просто логично, — фыркнул Фардин. — Я уже большой мальчик, умею рассуждать и делать выводы. И Бернадет, не зная ни тебя, ни толком Родерика, может думать, что ты желаешь ему чем-нибудь насолить. Но для того, чтобы обращаться к тебе с каким-либо предложением, ей нужно хорошенько разобраться в ситуации. Поэтому я и спрашивал про слухи... Одно дело, если тот, кто их распускает, считает их правдивыми. Другое — если он знает или подозревает правду.

— Я не понимаю, какая разница, Фар? Я в любом случае откажусь, неважно, какие деньги она мне предложит...

— Ты не понимаешь, да, — кивнул Равви. — Мне кажется, Бернадет копает под Говарда, и дело не в деньгах. Она пытается нащупать ниточку, которая позволила бы доставить проблемы нашему театру. Вот почему Бернадет занимается всем этим сама, а не поручает кадровику.

В рассуждениях Фардина был резон, но я всё равно не понимала, зачем он говорит мне это и что хочет от меня услышать.

— Ты рассказал маэстро?

— Конечно, но он, на мой взгляд, относится к этому чересчур несерьёзно. А я считаю, что нам надо держать ухо востро. Бернадет — женщина отчаянная, и у её театра сейчас проблемы. Не знаю, на что она способна, но думаю, что на многое.

— Надеюсь, ты не считаешь, что она способна на убийство? — уточнила я на всякий случай и хмыкнула, когда Фардин эмоционально ответил:

— Демоны их знает, этих аристократов, на что они способны.

— Я тоже аристократка, Фар.

— Ты-то? — Он закатил глаза. — Да не более чем я или Родерик. В общем, Айрин, будь внимательна, хорошо? Мы не должны позволить какой-то там Бернадет разрушить наш театр.

— Ладно, — я кивнула, — конечно, буду внимательна.

То, что сказал Фардин, вылетело у меня из головы достаточно быстро — нет, не потому, что я беспечно отнеслась к его тревоге, а потому что было некогда думать ни о чём, кроме работы. Сначала была репетиция, на которой Ллойс вновь гонял нас в хвост и в гриву — хотя на этот раз больше других, нежели меня, — затем долгое и мучительное переодевание (костюмы в сегодняшнем спектакле были своеобразными) и накладывание грима и, наконец — сам спектакль. Один из сложнейших для меня, потому что слов моя героиня, будучи немой, точнее, заколдованной, не произносила, зато танцевала так, что сцена дрожала.

И конечно, в первом ряду сидел мой недавний знакомец из дознавательского комитета, внимательно наблюдая за происходящим на сцене. Мне было не очень понятно, зачем он пришёл — всё ведь уже озвучено? Мог бы явиться на разговор и после спектакля...

Выяснилось это чуть позже, когда я вернулась в свою гримёрную. Только и успела, что скинуть туфли и вытянуть ноги — после почти двух часов непрерывных танцев, не считая репетиции, они гудели и слегка дрожали, — как в дверь тихо постучали. Глухо простонав, я выпрямилась и поджала ноги, чтобы не сверкать голыми коленками перед чужим человеком.

Он вошёл через мгновение, не дожидаясь разрешения. Кивнул мне, причём вполне доброжелательно — будто зашёл в гости чаю попить, а не получить ответ на неприличное предложение, — подтащил второй стул ближе к трюмо и только тогда сказал:

— Добрый вечер, Айрин.

— Добрый, — вздохнула я и, пытаясь отсрочить неизбежное, поинтересовалась: — А зачем вы пришли на спектакль? Вам это было нужно для работы? Я не очень понимаю.

— Нет, — дознаватель хмыкнул и ответил неожиданное: — Для удовольствия. Я давно не был в театре, и зря, как оказалось. Посмотрел у вас уже четыре спектакля — отличные постановки. А от спектаклей Императорского театра меня обычно в сон клонит.

Если бы я не была приучена контролировать собственные реакции, то в этот момент у меня, скорее всего, удивлённо вытянулось бы лицо. Слышать такие речи от сотрудника первого отдела оказалось неожиданно... Хотя, с другой стороны — почему бы и нет? Он всё-таки тоже человек.

— И вы, кстати, действительно очень талантливы, Айрин, — продолжал дознаватель, улыбнувшись. — Так же, как и красивы — тоже очень.

В его взгляде мелькнул истинно мужской интерес, из-за чего я мгновенно напряглась и, выпрямившись на стуле сильнее, мрачно сказала:

— Может, я и талантлива, и красива, но этого недостаточно, чтобы из меня получилась хорошая любовница для принца. Видите ли, я... — Говорить о таком было неловко, но я знала, что должна. Если я соглашусь, не предупредив ни о чём, будет плохо, причём мне в первую очередь. — У меня есть определённая фобия... И по этой причине я ни с кем не завожу отношений. Я не люблю физический контакт. Прикосновения, объятия...

— Я предполагал подобное, — кивнул мужчина, ничуть не удивившись. — Это немного усложняет дело, конечно. Но...

— Вы шутите? — выдохнула я, едва не рассмеявшись ему в лицо. — Его высочество Арчибальд — эмпат! Он почувствует мой страх.

— Ничего страшного, извините за игру слов, — хмыкнул дознаватель, и как-то будто иронично. — Наоборот, это даже интересно. Так вы принимаете предложение? Согласны?

Я закусила губу и поморщилась. Было неприятно и... да, страшно до тошноты.

Защитница, что я делаю?..

Что-что... Пытаюсь бороться за Аврору. Я не могу позволить себе проиграть суд. Не могу!

— Да, я согласна. Если вы считаете, что моя фобия не помешает...

— Нисколько, — покачал головой дознаватель. Его тёмно-серые глаза торжествующе блеснули, словно он был рад, что я прекратила колебаться. Впрочем, наверное, так и есть. — Как я уже сказал, наоборот — ваша фобия может стать отличной приправой для блюда из эмоций.

Меня слегка передёрнуло.

— Звучит ужасно.

— Как есть, — он засмеялся. — Эмпаты — странные создания. Некоторые эмоции им приятны, некоторые нет. Страх отдельно от влюблённости, разумеется, неприятен. А вот страх вкупе с влюблённостью...

— Но я не влюблена в его высочество, — возразила я, не понимая, о чём толкует дознаватель. — Я уважаю его, всё-таки он охранитель, но...

— Айрин, вы влюбитесь в него сразу же. Конечно, не сами. Если выпьете приворотное.

От шока я, кажется, потеряла не только дар речи, но и способность дышать. И мой визитёр понял это, приподнялся со стула и, наклонившись, похлопал меня по спине, заставив сделать резкий выдох.

— Отомрите, — усмехнулся он, опускаясь обратно на сиденье. — Да, приворотное. Но это не смертельно, более того, даже не больно.

— Зато очень цинично, — пробормотала я, и он развёл руками.

— Работа такая, — ответил почти сочувственно. — И ваш случай ещё не самый циничный, поверьте. Так вот, продолжим. Приворотное, Айрин, — это не навсегда. Когда поступит отмашка от начальства, что можно заканчивать, перестанете его пить — и влюблённость уйдёт, как не было её. Мирно расстанетесь с принцем, скажете, что разлюбили. Его высочество не мстителен, по крайней мере, по отношению к женщинам, ничего вам за это не сделает.

Я подняла руки и потёрла ладонями горящее лицо. Защитница, если бы он озвучил мне всё это ещё вчера, я бы отказалась сразу, даже не задумываясь. Но теперь, когда я успела «переспать» с мыслью о том, что гарантированно получу опеку над Авророй...

— Решили передумать, Айрин?

Дознаватель говорил спокойно, но я не сомневалась, что отказ ему не понравится.

— А если я передумаю, вы... просто примете это? Или...

— Не знаю, — он усмехнулся, но глаза остались серьёзными. — Вы же понимаете, я — обычный сотрудник. Не я уполномочен принимать решения. Всё зависит от императора.

Я вспомнила жёсткое и безэмоциональное лицо с магпортрета в газете... и второй раз содрогнулась.

Нет, я не могу рисковать. Лучше уж принц Арчибальд и приворотное, чем... неизвестные проблемы, которые мне наверняка устроят по итогу.

— Я не передумала.

— Отлично, — мужчина кивнул и вытащил из нагрудного кармана маленький флакон из тёмно-фиолетового стекла с восковой печатью. — Держите. Выпьте сегодня вечером. Следующую порцию принесу после вашей первой встречи с его высочеством.

— А когда... — я сглотнула, вновь ощутив холодящий душу страх, — ... она состоится?

— Я загляну к вам завтра, — спокойно ответил дознаватель, вложив в мою ладонь флакон с приворотным зельем. — И всё подробно расскажу.

Глава четвёртая. Встреча

Арчибальд Альго

Многие думают, будто его высочеству Арчибальду неведом страх. Как иначе — разве можно бояться, будучи главой охранителей? На самом деле страх был единственным чувством, оттенки которого Арчибальд знал во всех подробностях. Он знал, что страх может как парализовать, так и вести вперёд. Знал, что, повинаясь страху, можно совершать подвиги, а можно, наоборот, бежать с поля боя. Он знал, что страх способен сделать человека растерянным и беспомощным и при этом он же способен озарять неожиданными и находчивыми решениями.

Арчибальд, хоть и был одним из сильнейших магов Альганны, прошёл все стадии страха. Его и парализовывало, и озаряло, и вперёд он шёл, и назад бежал... Хотя последнего, конечно, давно не случалось. Но в молодости, точнее, на практике в университете, когда их курс впервые отправился к Геенне «смотреть на демонов», — да, попятился. Потом было стыдно, несмотря на то, что они всем курсом тогда улепётывали — уж больно ретивый демон попался...

Но это, конечно, было до гибели Брианны, его невесты. В тот день Арчибальду было настолько страшно, что впоследствии он на несколько лет потерял способность что-то чувствовать. И рисковал собой, как мог, — по-юношески глупо надеялся последовать за любимой. Сколько ему тогда было?.. Да, двадцать два года. Совсем сопляк. Глупый и безумно влюблённый сопляк... С тех пор прошло почти тридцать лет, но Арчибальд больше не ощущал ничего подобного ни к одной девушке. Даже к Эн.

Так уж были устроены Альго — они влюблялись только раз и на всю жизнь. И, если любимый человек погибал, были обречены на одиночество — либо довольствовались симпатией. Так поступил двоюродный брат Арчибальда, император Арен, женившись на милой аристократке по имени Виктория восемь лет назад, так поступил и отец Арчибальда, вступив в брак с подходящей девушкой, поскольку избранницу завоевать не смог, даже несмотря на свой статус. И это подкосило его на всю жизнь. Он погрузился в работу и был отличным главным судьёй Альганны, но и муж, и отец из него получились не очень. Хотя, разумеется, грешно так думать — и Арчибальд старался не думать. Тем более что и он сам, потеряв много лет назад Брианну, поступил точно так же. И на долгие годы его единственным интересом стала работа.

Арчибальд бросался к Геенне каждый раз, когда она вспыхивала. Огромная огненная стена на севере Альганны, происхождение которой было толком неизвестно, чаще всего находилась в покое, но порой оттуда выбиралось что-то странное, и почти всегда разное. Это «что-то» никогда не было дружелюбным. Оно стремилось уничтожить всё, что вставало у него на пути — поэтому жители Альганны называли порождения Геенны демонами. А тех, кто боролся с ними, — охранителями.

«Самая опасная профессия в стране» — так говорили про охранителей. И Арчибальд с детства мечтал стать одним из них, несмотря на риск. Тем более что родовая магия Альго была крайне полезна в борьбе с демонами. Кроме эмпатии все члены их семьи имели особые отношения с огнём, в котором они не горели и из которого умели создавать плети, щиты и шары. Обычному магу, чтобы достичь подобного, нужно было долго учиться, и то не факт, что получится, — вольно обращаться с огнём могли только маги уровня архимагистров, но после специальных испытаний. У Альго же всё получалось само собой, с детства.

Среди охранителей ценен каждый архимагистр — как ни крути, он всё-таки сильнее архимага, — поэтому врождённые способности Арчибальда были огромным плюсом при выборе специальности в университете. Его никто не отговаривал — некому было. Хотя обычно желание стать охранителем в их семье не приветствовалось, слишком уж ценна жизнь каждого, кто носит фамилию правящей династии. И возможно, будь у Арчибальда братья или сёстры...

или будь жива его мать... или если бы отец не был настолько погружён в работу и больше общался с сыном... Да, в таком случае, скорее всего, кто-нибудь попытался бы отговорить Арчибальда. Хотя вряд ли он послушался бы — слишком сильно его всегда привлекало охранительство, с самого детства Арчибальд мечтал быть в рядах защитников Альганни от демонов. В то время он, разумеется, романтизировал эту профессию, она казалась ему необыкновенно героической. Тогда Арчибальд ещё не знал, сколько в ней боли, крови, грязи и смерти...

— Ваше высочество... Ваше высочество! — раздался рядом чей-то высокий и пронзительный голос, и Арчибальд поднял голову от документа, на который смотрел уже с минуту, отвлекшись на собственные мысли. А главное, непонятно даже, о чём думал-то? Брианну вспоминал? Отца с матерью? Геенну? Всё сразу, вперемешку, наверное... Потому что устал. Удивительно, но работа над документами, оказывается, утомляет гораздо сильнее демонов. — Вы что-нибудь решили?

Что он решил, что он решил... Защитник, запульнуть бы папку с этим дурацким законом о титулах куда-нибудь в угол и забыть про неё, как про страшный сон. А ещё лучше — сжечь. Но нельзя ведь!

— Всё верно, Роберт. В случае смерти одного из супругов титул за вторым сохраняется при условии, что брак длился более десяти лет и есть совместные дети, в том числе приёмные. В ином случае титул возвращается. Формулировки верные. Хотя накануне меня за них раскритиковали ваши коллеги, но его величество согласен представить Совету архимагистров закон в таком виде.

— Да, ваше высочество, — кивнул представитель судебного комитета, законник, с которым обычно работал Арчибальд. Роберт Гройден был уже пожилым человеком, седым, как лунь, не задавал лишних вопросов, ничему не удивлялся, а так как давно вырастил не только детей, но и внуков, то имел много свободного времени и с удовольствием занимался поручениями Арчибальда. Естественно, за дополнительную плату. Но делал он всё быстро, что было главным плюсом Роберта — император, как все знали, ждать не любил. — А что с проектом закона о лишении привилегий членов семей заговорщиков? Там всё верно?

Арчибальд скрипнул зубами. Ох уж эта инициатива Арена... Аукнется она им ещё, точно аукнется...

— Абсолютно. Но я посмотрю с утра ещё раз на всякий случай. Сейчас уже видеть не могу всё это.

Роберт слабо улыбнулся.

— Понимаю, ваше высочество. Тогда до завтра.

Когда Гройден вышел из кабинета, Арчибальд откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и сидел так несколько минут, наслаждаясь тишиной. Он давно и прочно любил одиночество — потому что людей и обязанностей в его жизни было порой слишком много.

Но сегодня он устал скорее от документов и сухих формулировок. А вот к людям, как ни странно, хотелось.

Арчибальд открыл глаза и посмотрел на браслет связи на запястье левой руки. Семь часов вечера... Что ж, ещё не поздно наведаться в город.

О том, что двоюродный брат императора периодически выбирается «на волю» под иллюзорным амулетом, знали немногие. Знал его величество, знали глава службы безопасности и охрана Арчибальда, был в курсе Гектор Дайд и его ведомство — в общем, все, кто был нужен для обеспечения сохранности жизни принца, знали, остальные были в неведении. Даже ближайшие соратники-охранители, в том числе Бастиан Алтериус — друг Арчибальда и главный из двоих заместителей. Его высочество никогда не относил себя к людям с открытой душой и делился, в основном, только необходимой информацией, и то лишь с близкими. Но получить звание близкого было не так-то просто. Даже если Арчибальд хорошо относился к человеку,

был знаком с ним много лет и знал как облупленного, рассказывать о личном не спешил. Не хотел, да и не чувствовал необходимости, привыкнув к одиночеству, которое особенно остро ощущалось в окружении людей.

Вылазки, которые предпринимал Арчибальд, не всегда приходились на столицу. Он переносился в разные города в зависимости от настроения, бродил по улицам, разговаривал с незнакомцами, навещал театры и музеи... Знакомился с женщинами. Подобные знакомства не были его целью — но в том случае, если Арчибальд встречал симпатичную девушку, которая была не против лёгких отношений, он не отказывался. Брат императора никогда не выбирал тех, кто страдал бы, узнав о расставании — хотя о расставаниях речи не шло, ведь ни с кем из этих девушек он не был вместе по-настоящему. Да они даже и не знали, кто скрывается под иллюзорным амулетом. Хотя Арчибальд всегда представлялся своим настоящим именем — но мало ли в Альганне аристократов с таким же именем?

В этот вечер, отправляясь в Граагу, его высочество не ставил цели с кем-то познакомиться. По правде говоря, он считал, что за последний месяц женщин в его жизни было слишком много. Из-за расставания с Эн, а потом и её свадьбы Арчибальд временно пустился во все тяжкие. И в перерывах между активациями Геенны вместо того, чтобы возвращаться во дворец и помогать брату, кутил в разных северных городках, проводя время в кабаках и борделях. Вернувшись в столицу по приказу императора, Арчибальд в первый день с трудом мог смотреть Арену в глаза — всё же было стыдно за своё нелепое поведение. Но... разочарование, по-видимому, оказалось слишком велико.

Он возлагал большие надежды на отношения с Эн — девушкой, которая три года назад спасла... нет, не жизнь Арчибальда. Она вернула ему магию, вылечила сломанный энергетический контур. До Эн, занявшейся изучением повреждений магических контуров во время учёбы в аспирантуре, считалось, что подобные травмы неизлечимы, и Арчибальд, попав в Императорский госпиталь после очередной тяжёлой борьбы с демонами Геенны, даже не надеялся, что вернётся в строй. Однако Эн смогла его вылечить, совершила невозможное, и Арчибальд...

Нет, он не влюбился. Но был очарован этой девушкой, необычной и целеустремлённой. И впервые после гибели Брианны его сердце всё-таки дрогнуло... До любви там было далеко, но Эн ему нравилась. Причём настолько, что Арчибальд даже приставил к ней охрану, которая была нужна не чтобы охранять — по крайней мере, первоначально, затем всё изменилось, — но чтобы следить за Эн. Его высочество опасался, что, пока он пытается решить проблему их разницы в социальном статусе, девушку уведут. В итоге и увели, но не из-за положения в обществе — избранник Эн тоже был аристократом и, благодаря закону о титулах, который всё-таки провели император и Арчибальд, смог на ней жениться. А ведь изначально принц разрабатывал этот закон под себя... Понимал, что Эн не согласится стать любовницей, и пошёл к Арене с предложением разрешить всё-таки браки между аристократией и нетитулованными. Думал, император будет возражать, однако брат, как выяснилось, и сам давно хотел этим заняться.

Вот так и началось то, из-за чего Алена едва не убили...*

(*Речь идёт о событиях книги «Недостойная».)

Однако закон о титулах всё равно был принят — с огромным скандалом и решительными возражениями, но был. Вот только проблемы на этом не закончились. Разрешив браки между аристократией и нетитулованными, Арен и Арчибальд решили одну проблему, но взамен приобрели ещё больше проблем. Арчибальд искренне сочувствовал брату, который был вынужден бороться с колоссальным по своим масштабам заговором против себя, и помогал ему, чем мог. Вот только интриги никогда не были коньком Арчибальда, он в них ничего не понимал. И вообще предпочитал попросту испепелять всё, что его не устраивало, не тратя лишнее время на разбирательства. Поэтому помочь Арене он мог в основном только собственноручно с законом о титулах, взяв на себя курирование его проведения и решение всех вопросов, связанных с ним.

От многочисленных формулировок, в которые Арчибальд вынужден был вникать, прорисовывая последствия от каждой, болела голова. Он скрипел зубами, раздражался и бесился, но не отказывался от слова, данного Арену, и страдал молча. Прекрасно понимал, что брату и так сейчас несладко и будет бесчестно перевесить на него одного ещё и эту проблему. Хотя Арен в вопросах судебных формулировок всегда соображал лучше Арчибальда. Впрочем, он во всём лучше соображал — Арчибальд был уверен, что и охранителем брат был бы отменным. Мечтал ведь когда-то в юности... Но мечта, увы, не сбылась — после смерти императора Александра, дяди Арчибальда, среди претендентов на престол Венец выбрал Арена. Была такая особенность у их фамильного артефакта — после смерти императора (или императрицы) или отречения от престола Венец сам выбирал себе хозяина. Как это работало, никто точно не знал. Впрочем, и в целом функционирование родовой магии было во многом тайной за семью печатями. Особенно если речь шла о родовой магии Альго.

Недолго думая, Арчибальд перенёсся в центр Грааги на Дворцовую площадь, побродил по ней, разглядывая витрины ближайших магазинов, купил у одного из лоточников целый пакет свежих пончиков, присыпанных сахарной пудрой, и отправился в центральный парк. Сегодня у его высочества было настроение побродить по аллеям в одиночестве, любуясь на проблески света фонарей в переплетённых ветвях деревьев, стоящих по краю дорожек, посидеть на лавочке... Для обычных людей, правда, в нынешнюю погоду сидение на уличных скамейках, скорее всего, закончилось бы простудой — всё же начало апреля, и пусть весна в этом году выдалась не морозная, до лета ей было далеко, — но Арчибальд не был обычным человеком, а Альго не мёрзли никогда. Поэтому он легко мог сидеть даже на куске льда довольно-таки продолжительное время.

Время было не самое позднее, но на улице уже темнело, поэтому на парковых дорожках почти не было гуляющих — тем более что день был не выходной. Но и те, что встречались Арчибальду, не обращали на него никакого внимания. С того момента, как принц вошёл в парк, он мысленно активировал ментальную составляющую своего иллюзорного амулета, которая позволяла ему оставаться незаметным для окружающих. Кроме его собственной охраны, разумеется.

Через полчаса хождения по парку Арчибальд всё-таки сел на одну из лавочек и расслабленно вытянул ноги. Пончиков в пакете почти не осталось, но вокруг принца всё равно тут же зашевелились местные птицы, в основном воробьи и голуби. Ходили вокруг лавки и откровенно попрошайничали, едва не заглядывая в глаза. На них ментальная магия не распространялась. Арчибальд, усмехаясь, кидал птицам кусочки сладкого теста, наблюдал, как они клюют еду, отпихивая друг друга, и, наверное, поэтому не сразу заметил, что его одиночество нарушено.

Аллея, изгибаясь, уходила от принца в разные стороны, причём слева спускалась по пригорку вниз, а справа проход был пологим и хорошо освещался, и Арчибальд отлично видел, что по дорожке быстрым шагом, почти бегом, двигаются трое. Впереди была девушка, а позади неё, шагах в пяти, — мужчины, и, судя по темпу бега, догонят они эту бедняжку секунд через десять.

Положив на лавочку почти опустевший пакет, Арчибальд поднялся, разминая плечи и ощущая резкий подъём настроения. Драка! Отлично! Размяться — вот чего ему не хватало в этот унылый вечер, а вовсе не пончиков. В том, что охрана не станет вмешиваться в происходящее, Арчибальд не сомневался. Двое мужчин, причём даже не магов, судя по отсутствию и энергетических контуров, и эманаций иллюзорных амулетов, — для принца так себе соперники. Он даже магией пользоваться не собирался, тем более что в их семье считалось: использовать магическую силу против обычных людей можно только при прямой угрозе для жизни. В остальных случаях следовало пользоваться исключительно кулаками.

Но к девчонке это правило — не применять магию — не относилось, тем более что она сильно запыхалась от быстрого бега — того и гляди шлёпнется и расквасит нос. Поэтому Арчибальд аккуратно прибавил девушке ходу при помощи нехитрого заклинания ускорения, увеличив её отрыв от преследователей, и только потом шагнул вперёд, на дорожку.

— Ребята, вас не учили, что с женщинами нужно обращаться уважительно? — усмехнулся Арчибальд, разглядывая участников конфликта. По девушке, правда, он лишь мазнул взглядом, убедившись, что она не маг, а затем вновь посмотрел на её преследователей. Одеты вполне опрятно, но, кажется, пьяны. Видимо, захотелось вечерних развлечений, однако девушка не оценила кавалеров. — Лучше убирайтесь, пока я добрый.

— Сам убирайся, — ответил тот, что был покрупнее, останавливаясь в нескольких шагах от Арчибальда. Откровенно говоря, он был даже намного крупнее Арчибальда — поэтому и вёл себя настолько борзо. А ещё он, разумеется, не ощущал перед собой принца. Обычные люди не могли видеть энергетический контур, но магов тем не менее частенько просто чувствовали нутром. — Ну, или можешь присоединиться к нам, если хочешь. Мы не жадные! Смотри, какая кукла!

«Кукла»... Да, похожим образом рассуждали многие преступники — они не видели в жертве живого человека, воспринимая его только как куклу, которую очень весело и интересно ломать. Повезло этим вечером девчонке...

И пока соперники хором громко и заливисто смеялись, Арчибальд, бросив девушке краткое:

— Уходи отсюда, — сам кинулся на мужчин.

Он почти никогда не ждал первого удара, с детства предпочитал перехватывать инициативу у противника сразу, дезориентируя его подобной активностью. С демонами подобная стратегия не всегда работала хорошо, а вот с людьми — да, не подводила. И давала Арчибальду несколько секунд форы. За эти секунды он успел ударить здоровяка в корпус с такой силой, что мужчина моментально согнулся пополам, и встретил блоком попытку дать себе в челюсть второго противника. Сделал подсечку, заставив того плюхнуться на задницу и громко выругаться, выбил у опомнившегося бугая нож, который тот вытянул из голенища сапога в качестве убедительного аргумента, а потом ещё раз ударил в корпус и по шее, чтобы любитель погоняться за девочками упал носом вниз. Мужик что-то провыл и забулькал — под ногами у него очень кстати оказалась небольшая грязная лужа, — но Арчибальд не вслушивался. Он как раз заметил, что второй противник, поняв, что дело пахнет неприятностями, пытается убежать, и всё-таки воспользовался магией, заставив мужчину остановиться и замереть. Опустил голову — первый уже вставал, стирая грязь с лица не менее грязными ладонями.

— Вот ты неугомонный, — пробормотал Арчибальд, дождался, пока бугай встанет — не бить же его в процессе? — и вновь повалил на землю, но на этот раз ударом ноги, чтобы руки не марать. Пригляделся — живой вроде... Но без сознания.

Что-то хилая какая-то драка у него сегодня вышла, бывало и повеселее. А эти... то ли слишком пьяные, то ли драться не умеют. Не задели даже ни разу. Скукота.

Поморщившись, Арчибальд уже хотел воспользоваться браслетом связи, дабы вызвать дознавателей — нет, не свою охрану, а обычных рядовых дежурных магов из дознавательского комитета, — когда наконец заметил, что девушка никуда не убежала, а так и стоит до сих пор чуть сбоку от него, возле лавочки, застыв, как муха в янтаре.

Красивая. Густая копна кудрявых тёмных волос, правильные черты лица, хорошие фигура и кожа. Никаких иллюзорных амулетов — значит, настолько привлекательна она сама по себе. Вот только в глазах — в свете фонарей было непонятно, какого они цвета, — отражалась такая паника, что Арчибальд даже удивился. Он же вроде спас её сейчас, почему она настолько трусит? Или думает, что он теперь воспользуется своим положением победителя? Тогда отчего не убежала?

— Я тебя не трону, не волнуйся, — произнёс он как можно мягче и снял эмпатический щит, решив разобраться в эмоциях незнакомки.

И едва сам не упал на землю от неожиданности...

Эмпатия — и дар, и проклятье. По крайней мере, так всегда думал Арчибальд, и император был с ним согласен — тем более что он как эмпат был сильнее. Но Арчибальду хватало и собственного дара, чтобы порой зарабатывать головную боль и звон в ушах от чужих эмоций. И чем больше людей было рядом, тем громче была какофония в его голове, поэтому эмпатический щит Арчибальд носил почти круглосуточно, снимая в основном лишь когда находился в одиночестве. Или если ему было интересно, что чувствует собеседник, — вот как сейчас.

Чем сильнее эмоция, тем чётче её ощущает эмпат. И эмоции девушки оказались очень сильными, но не неприятными, как Арчибальд изначально предполагал. Тем более что страх, который он ожидал услышать, — одно из самых неприятных чувств, от него обычно веет холодом и подташнивает.

Да, страх в её эмоциях был. Но куда сильнее оказалось что-то ласковое и тёплое, дрожащее, словно огонёк свечи, когда его касаешься дыханием. Восхищение? Нет, не совсем. Хотя и оно тоже. Симпатия? Нет, сильнее.

Эта девушка словно... влюбилась в него? Вот так, с первого взгляда? Потому что спас и защитил? Похоже на то...

Арчибальду казалось, что он даже слышит биение её взволнованного сердца. Оно кололось в груди, и дыхание незнакомки было сильным, глубоким, но прерывистым, отчего грудь вздымалась и чуть раздувались ноздри хорошенького носика, будто девушка пыталась приняться.

В Арчибальда влюблялись и раньше. Но не с первого взгляда — такого в его жизни ещё не было. И всегда без страха, скорее, с вожделением, особенно если были в курсе его статуса. Но никакой физиологии в эмоциях девушки Арчибальд не чувствовал. Страсть была элементарной эмоцией и ощущалась проще всего. Здесь же явно что-то... сложное. Но очень приятное, даже несмотря на страх. Более того — страх придавал чувствам девушки какую-то особенную перчинку. Хотя Арчибальду всё же хотелось его убрать — ему не слишком нравилось, когда его боялись. Впрочем... его ли?

Он, нахмурившись, прислушался к эмоциям незнакомки — может, она всё-таки боится не его, а самой ситуации? Но нет... Страх имел направленность, он предназначался Арчибальду. А ещё отчего-то словно возвращался к самой девушке, будто она опасалась себя. Странно.

— Не бойся, — сказал его высочество и постарался улыбнуться, но в процессе подумал, что кривая улыбка способна испугать даже сильнее её отсутствия, и перестал. — Я для тебя не опасен. Сейчас вызову дознавателей, пусть упакуют этих... хм... А потом провожу тебя до дома. Договорились?

— Д-да, — ответила девушка, отчего-то вздрогнув всем телом и запнувшись, и страх усилился. Но при этом остальные эмоции тоже стали сильнее, да настолько, что у Арчибальда появилось ощущение, будто его погрузили в тёплую или даже горячую ванную, с ароматической солью, полную лепестков свежих цветов. А потом ещё и горячего шоколада принесли. — К-к-конечно...

Арчибальд смотрел на девушку несколько мгновений, пытаясь разобраться в происходящем, но так и не смог понять, отчего её одолевают подобные эмоции. Поэтому всё-таки перевёл взгляд на браслет связи, вызвал дежурных дознавателей и, зная, что охрана объяснит ситуацию без его участия, вновь посмотрел на незнакомку.

Она уже не дрожала, но по-прежнему ощущала страх. И то самое тёплое и сладкое чувство, от которого Арчибальду становилось легко и приятно. И хотелось прижать девушку к

себе, чтобы проверить, как это чувство станет меняться в дальнейшем. А может, и поцеловать...

Но это всё-таки было не в принципах его высочества. Он никогда не хватал незнакомых женщин в охапку, чтобы поцеловать, и вообще считал, что в отношениях не стоит торопиться, даже если они не предполагаются обременительными в будущем.

— Пойдём, — произнёс Арчибальд, кивнув на дорожку. — Сейчас здесь будут дознаватели, но мы можем уйти. Если хочешь, конечно. Можем и остаться.

— Лучше... пойдёмте, — ответила девушка тихо, вздохнув. Голос у неё был не менее красивый, чем всё остальное. Нежный и певучий, слегка хрустальный — он просто ласкал слух. — Или мы должны остаться... как свидетели?

— Не должны. У меня есть охрана, они тоже свидетели. Всё расскажут.

— Охр... — девушка запнулась, словно была удивлена, но никакого удивления Арчибальд в её эмоциях не уловил. Всё затмевали страх и эта демонова влюблённость, из-за которой его высочество с трудом соображал. — Но... почему они не вмешались?

— Они вмешались бы, если бы увидели, что мне грозит опасность. Но опасности не было.

— Не было... — эхом повторила незнакомка, глядя на Арчибальда во все глаза. В её эмоциях что-то дрогнуло, и принца на мгновение опалило жаром чужого восхищения. — Вы... смелый человек...

— В данном случае — не очень, — усмехнулся Арчибальд, ничуть не красуясь. Для него драка с двумя обычными хулиганами, даже не магами, не была проявлением смелости. Только скуки. — Так что, мы с тобой идём или остаёмся?

— Идём, да, — кивнула девушка, и Арчибальд заметил, как она сглотнула, когда он подал ей руку. Но руку всё же приняла, осторожно и с опаской, при этом вспыхнув одновременно и от страха, и от... да, это была уже не только влюблённость, но и желание. Именно оно всегда так зажигает кровь в ответ.

Интересная девушка. Красивая и необычная.

Арчибальд пока не отдавал себе отчёта в том, что значат все эти его мысли и к чему они приведут, но знал одно — знакомство следует продолжить.

— Как тебя зовут? — спросил Арчибальд через минуту, когда они отошли на некоторое расстояние от места недавнего действия. Позади уже раздавался треск — значит, дежурные дознаватели наконец начали прибывать, построив пространственный лифт на место происшествия.

— Айрин, — ответила девушка, и голос её дрогнул. А Арчибальд едва не хлопнул себя ладонью по лбу — и как он умудрился не осознать, что общается с аристократкой? Ощущал ведь пульсацию родовой магии, но из-за анализа чувств незнакомки не обращал на неё внимания. — Айрин Вилиус. А... вас?

Действительно необычная девушка. «Пустышка». Таких в столице было не много, меньше, чем пальцев на одной руке.

Вилиус... Арчибальд, как и любой аристократ, помнил наизусть виды кровной магии по фамилиям аристократических родов. Значит, Айрин — менталистка, умеет влиять на настроение, ухудшать или улучшать его. Да, в борьбе с преследователями такое помогает мало — они в любом случае будут бежать дальше.

— Арчибальд, — ответил он, решив пока обойтись без фамилии. Хотя, если Айрин спросит — скажет. — Можешь не «выкать» мне, если хочешь.

Страх усилился, охладив эмоции. Что же это такое, откуда он?

— Ты меня боишься? — прямо поинтересовался Арчибальд, нахмурившись. Хотелось остановиться и посмотреть Айрин в глаза, потому что сразу после этого вопроса страх вновь стал сильнее, хотя Арчибальд не видел для этого никакой объективной причины.

— Вы всегда так делаете? — ответила Айрин вопросом на вопрос, кажется попытавшись улыбнуться. Заодно и увильнуть от прямого ответа. — Не стараетесь дипломатично что-то вызнать, а сразу в лоб интересуетесь...

— Дипломатия — не мой конёк, — согласно кивнул Арчибальд, усмехнувшись. Вспомнил, как Арен часто просил его быть «менее прямолинейным». — Я охранитель, подобные навыки там не нужны. А ты кем работаешь, Айрин?

— Я актриса в «Варьете Родерика».

Вот теперь его высочество на самом деле остановился и, развернувшись, посмотрел себе-седнице в глаза. Он до сих пор не понимал, какого они цвета, но ясно видел, как взволнованно они сверкают. А ещё Арчибальду казалось, что Айрин покраснела.

— Ты серьёзно или шутишь?

— Почему вы думаете, что я шучу? — Вновь усиливающийся страх холодил кровь, которая по-прежнему вспыхивала под влиянием откровенной влюблённости девушки. Теперь она даже заиграла новыми красками — ведь Айрин не отводила взгляда. Смущалась, боялась, но не отводила.

— А ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос? — фыркнул Арчибальд, неожиданно развеселившись. Занятное всё-таки вышло приключение! И он действительно отвлёкся от всех насущных проблем. Но не из-за драки — из-за этой девушки. Актриса, надо же! Все актрисы, которых принц знал до этого момента, никакого смущения перед ним не испытывали. И влюбляться даже не думали — в их эмоциях всегда преобладало безразличие. А в поступках — холодный расчёт. Правда, среди них и не было аристократок, одни нетитулованные — а значит, до недавних пор они не могли рассчитывать на статус более серьёзный, чем любовница. — Или это исключительный случай?

— Исключительный, — чуть улыбнулась Айрин, на этот раз вполне искренне, и страх стал меньше. — Вы, ваше...

Она запнулась, побагровев так, что видно стало даже в вечернем апрельском полумраке, и Арчибальд рассмеялся, покачав головой.

— Догадалась, значит. Догадываются далеко не все и не сразу. Мало ли в столице Арчибальдов?

— Которые ходят с охраной под иллюзорным амулетом, скрывающим даже родовую магию? Дерутся с двумя противниками, не используя дар? Сомневаюсь, что много, — ответила Айрин почти дерзко, но по-прежнему не отводя глаз. — Я не была уверена, конечно, однако...

— Поэтому ты меня боишься? — перебил девушку Арчибальд, вслушиваясь в эмоции. Он ожидал новой вспышки страха сразу после этого вопроса, но её не последовало. Зато нежность лилась на него сплошным потоком, ласковым теплом окружая сознание. — Из-за того, что я — Альго?

Мимо. Страх не усилился. Значит, дело не в этом. Да и появился он до того, как Арчибальд сказал своё имя.

— Нет, я... — Айрин закусила губу, вздохнула. Эмоции неуверенно задрожали, заволновались. — Я просто испугалась тех мужчин...

Почему-то принцу показалось, что Айрин недоговаривает или даже врёт, но он решил не уточнять этот момент. Сам разберётся со временем.

— Не бойся, они не причинят тебе вреда больше, — спокойно ответил Арчибальд и вновь подставил девушке локоть. — Цепляйся, и пойдём. Тебе куда? Не в театр, надеюсь?

— Что вы, уже слишком поздно, — она покачала головой, принимая его руку. — Но я сегодня и не играю. В театре по четвергам выходной.

— А завтра? — поинтересовался Арчибальд. В голову неожиданно пришла одна идея. В конце концов, почему бы и не поухаживать за девушкой? Да и в театре он давно не был. — Играешь?

— Завтра — да. А вы... хотите прийти?

— Второй раз повторяю: ты догадливая.

— Это просто очевидно. Раз вы спрашиваете...

— «Ты», Айрин. Говори мне «ты». Тебя это ни к чему не обяжет.

Она молчала несколько мгновений, а потом еле слышно прошептала:

— Разве?..

— Не обяжет, — подтвердил Арчибальд твёрдо, убедившись в своей догадке — после его предложения говорить «ты» Айрин вновь начала бояться. И сильно. Значит, она опасается принуждения... — Мой статус — не причина давать согласие на что бы то ни было, учти это. Я ничего не требую от женщин, которые говорят мне «ты». И никак их не наказываю за отказ. В конце концов, это просто не по-мужски, Айрин.

Страх не уменьшился. Видимо, не верит. Или обида на кого-то другого столь велика, что Айрин невольно проецирует своё отношение к тому человеку и на всех остальных?

— Я учту, ваше... Арчибальд, — вздохнула она, тем не менее выполнив его просьбу.

— Вот и хорошо. Так где ты живёшь?

Она назвала адрес, и его высочество, несколько секунд поразмыслив — далековато всё же от центрального парка, чтобы идти пешком, — решил заказать магмобиль. Айрин не возражала, и ещё через пару минут они усаживались в тёплый салон поданной машины.

Арчибальд довёз Айрин до дома в районе Новой Грааги, где у девушки была квартира, по дороге расспрашивая о завтрашнем спектакле, затем проводил до подъезда и, поцеловав на прощание маленькую дрожащую ладонь, отправился во дворец.

Настроение его высочества сильно улучшилось, хотя Айрин, само собой, в тот вечер не применяла по отношению к нему родовую магию.

Глава пятая. Букет

Айрин Вилиус

Зайдя в квартиру, я обессиленно прислонилась спиной к входной двери и медленно сползла на пол, обхватив плечи руками. От колоссального нервного напряжения, которое я испытала сегодня вечером, мутило и била дрожь. Последний раз меня так выкручивало и выжимало в ночь побега из дома отца. Даже на судебных заседаниях было проще... Сейчас же мне казалось, что у меня что-нибудь разорвётся — либо голова от количества мыслей, либо сердце от количества эмоций.

Пришедший накануне после спектакля сотрудник дознавательского комитета объяснил мне всё, что я должна буду делать, достаточно подробно. Он сказал, что в тот момент, когда его высочество Арчибальд по своей любимой привычке отправится гулять по городу, я обязана уйти из театра и перенестись при помощи пространственного лифта на Дворцовую площадь, на общественную площадку для переносов. К сожалению, артефакторы, несмотря на то, что бились над этой задачей много лет, так до сих пор и не смогли разработать нормальную кабину для пространственного перемещения человека — только для мелких грузов (такой артефакт назывался «почтомаг») или для небольших животных. Для того чтобы человек мог перенестись из одного места в другое, требовалось построить пространственный лифт. Осуществлялось это всегда магом — соответственно, сама я проделать подобное не могла. Но, так как в нашем театре магов было меньшинство, Говард держал на работе дежурного мага-хозяйственника — как раз для таких случаев.

Перемещаться по городу свободно нельзя по очень простой причине — иначе было бы слишком много ошибок в построении лифтов, и маги в буквальном смысле падали бы на крыши зданий, вместо того чтобы оказываться посреди тротуара. Перенос в черте города разрешён только на специальные площадки для переносов. В Грааге их несколько, в том числе на Дворцовой площади.

Там меня встретили. Те самые мужчины, которых потом побил его высочество, не маги. Удивительная работа у сотрудников первого отдела...

Изначально с нами был ещё тот дознаватель, который ходил ко мне в театр, — он как раз руководил всеми, и теми мужчинами, и мной, — но потом ушёл. Перед этим наконец назвал своё имя: Гауф. Хотя, возможно, это позывной — кто их там разберёт, в дознавательском комитете... Мне это имя отчего-то напомнило рык волка, да и сам Гауф казался похожим на волка — хваткий, но осторожный, с умным и спокойным взглядом и плавными движениями хищника. Я не представляла, сколько ему лет и как он выглядит на самом деле, — и, скорее всего, так никогда этого и не узнаю. В любом случае я чувствовала, что Гауф относится ко мне без пренебрежения и даже с сочувствием, что положительно сказывалось на моём принятии всей этой ситуации. Которое, правда, полетело к демонам, когда я всё-таки столкнулась в этот вечер с Арчибальдом...

Приворотное работало отлично, и даже сквозь иллюзорный амулет, который превращал принца в мужчину с совершенно другой внешностью, я ощущала собственную влюблённость. Какое-то абсолютно дикое чувство, когда хочется слушать голос, смотреть в глаза, видеть улыбку и даже обнимать. Правда, при мысли о последнем мне становилось почти физически плохо. Страх-то при этом никуда не делся...

Я не представляла, как это всё ощущал эмпат Арчибальд, если я и сама сходила с ума от обуревавших меня чувств. Они просто рвали на части, заставляя дрожать, и, если бы не школа Говарда Родерика, благодаря которой я научилась держать себя в рамках заданной роли, я бы убежала из парка с позором ещё в самом начале действия, когда Арчибальд сказал мне: «Уходи

отсюда». Ох, я бы ушла, ваше высочество, ушла и не возвращалась бы, но... увы. В данном случае я не имела права на побег и должна была отыграть роль до конца.

И я играла. Хотя и не притворялась — просто была собой. Но в остальном... Мне нужно было проявить недюжинные упорство и смелость, собирая себя по частям из-за разрывающих тело противоречивых эмоций. С одной стороны — страх, с другой — влюблённость. При этом ничто не перевешивало. И то и другое я чувствовала одинаково сильно. Может, именно этот факт и помогал мне держаться? Как весы, на обеих чашах которых лежит одно и то же количество гирь. Но, стоит убрать или подложить гирьку с одной или другой стороны — всё, равновесие нарушается.

Арчибальд... Что ж, не знаю, в какую сторону в итоге перекосят мои весы — мне было сложно отстраняться от навязанных чувств и эмоций и пытаться анализировать поведение его высочества холодной головой, — но пока я могла сказать точно только одно: брат императора показался мне хорошим человеком. Он вёл себя достойно с самого начала до самого конца, не красовался передо мной, не пытался воспользоваться обстоятельствами. Хотя он, несомненно, ощутил мою влюблённость — не мог не ощутить. Если только он не закрылся эмпатическим щитом, но вряд ли — страх-то он почувствовал? Значит, и влюблённость почувствовать должен был.

И, возможно, если бы не вся эта ситуация с принуждением, Арчибальд мне и вправду понравился бы. Так, как нравился маэстро или Фардин. Но теперь...

Я вздохнула, пытаюсь унять нервную дрожь, которая, судя по всему, в ближайшие недели, а то и месяцы станет моим постоянным спутником, и полезла в нагрудный карман пальто. Именно там лежал флакон с приворотным, которое мне по инструкции Гауфа следовало выпить сразу, как только приду домой. Точнее, даже три флакона — на три ближайших дня. К сожалению, приворот — заклинание, которое требует постоянного подпитывания и обновления. Но, как мне объяснили, пить каждый день нужно только в начале, потом можно будет употреблять зелье лишь раз в неделю.

Оно было практически безвкусным — сладкая водичка, не более. Хоть какое-то утешение.

Ночью я почти не сомкнула глаз — всё варилась в собственных мыслях и тревогах. А ещё отчего-то вспоминала маму.

Любила ли я её? До определённого возраста — безусловно. В детстве любишь родителей просто так, тем более если не знаешь, что их отношение к тебе не совсем нормальное. Я не ведала ничего другого, поэтому любила и отца, и мать. Мама казалась мне очень красивой — впрочем, она на самом деле была красивой, я на неё похожа, — и нежной, а отец серьёзным и надёжным, как скала. Иллюзия... Мечта, которой так и не суждено было осуществиться.

Мою маму звали Амандой, и она была нежна только к отцу. Ко мне она относилась с изрядной долей холодности — скорее всего, воспринимала меня как свой неудачный проект. Словно я была не человеком, а артефактом, который не получился. Возможно, она даже меня стыдилась — по крайней мере, с собой никогда не брала, и я если и ходила куда-то, то только со старушкой Сит или кем-то из слуг. Позже — с учителями. Они все были нетитулованные, но относились ко мне по-разному. Кто-то, как и родители, был равнодушен, кто-то сочувствовал моей ущербности, но были и те, которые откровенно злорадствовали. Далеко не все нетитулованные любят аристократов, это я давно поняла... И у них есть для этого причины. Правда, я не имею к этим причинам никакого отношения, но разве что-то может остановить чужую неприязнь или ненависть?

Говорят, когда-то давно магия была привилегией аристократии. И, да, одарённые дети рождались только у тех, кто носил фамилию, заканчивающуюся на «ус», и имя на одну из первых трёх букв алфавита. Но шло время, и одарённые дети начали рождаться и в других

семьях. Возможно, причиной были внебрачные связи аристократов, возможно, что-то ещё — так или иначе, но магия перестала быть привилегией титулованных. Если не считать родовую. Вот она по-прежнему, как и сто, и двести, и триста лет назад, есть только у аристократии и передаётся от отца к сыну или дочери. По фамилии рода, как у нас говорят.

Поначалу никто не знал, что делать с магами-неаристократами, и, поскольку их не обучали, дар у подобных детей постепенно перегорал. Однако шли годы, и нетитулованных магов рождалось всё больше. Тогда всерьёз начали обсуждать блокировку дара или даже убийство таких детей... Слава Защитнице, до этого не дошло — тогдашний император зарубил подобные идеи на корню. И был принят закон, по которому магия по-прежнему являлась привилегией аристократии, но если маг рождался в нетитулованной семье, то ей необходимо было платить налог на дар. И в дальнейшем оплачивать обучение ребёнка магическому искусству. И сам этот ребёнок, вырастая, всё равно не мог избавиться от налога и платил его государству всю жизнь. Налог за то, что он таким родился...

Неприязни добавлял и тот факт, что величина дара давно перестала зависеть от наличия или отсутствия титула. Сильный маг может быть и не аристократом, так же, как и слабый, и наоборот. Причём с течением времени эта разница размывалась всё сильнее. И если раньше чаще рождались сильные аристократы, то сейчас уже нет. Однако налоги и прочие аспекты социального неравенства оставались. «Неравные» браки были запрещены; кроме того, у нетитулованных существовал лимит на бесплатное медицинское обслуживание, и поскольку образование было платным, то несколько лет после окончания учёбы такие маги были обязаны работать на империю, отчисляя государству... да, очередные налоги. Нетитулованные были обложены со всех сторон, к тому же постоянно сталкивались с презрением аристократов и их выпячиванием того единственного, что у них ещё оставалось уникальным, — родовой магии. Конфликт между двумя слоями магического общества рос, ширился и множился, пока не вылился наконец в масштабный заговор против императора с одной стороны и в изменение закона о титулах — с другой.

О том, что император Арен хочет отменить титулы, стали говорить давно. Я помню, как над этим смеялся отец, говорил, что не бывать подобному — хотя бы потому, что император и сам аристократ, у него тоже есть родовая магия, причём сильнейшая из существующих. Однако этот факт отчего-то всё-таки не помешал его величеству начать разрабатывать закон о титулах, по которому должны были разрешаться браки между аристократией и нетитулованными. Слухи поползли очень быстро, породив огромную волну недовольства. Апогеем её стало случившееся на Дворцовой площади три месяца назад, когда заговорщики попытались убить императора во время празднования Дня Альганны. Однако его величество выжил, и ещё спустя месяц закон всё-таки был принят.

Я вздохнула и перевернулась на другой бок. Сон по-прежнему не шёл... Я вспоминала, как взбудоражены все были в тот день после покушения. Говард определил то состояние как «разброд и шатание» — отменялись спектакли, закрывались магазины, а газеты и журналы моментально раскупались в попытке найти хоть какие-то новости о случившемся. Но главным было то, что следующий месяц в одной только столице были арестованы несколько десятков, если не сотен заговорщиков. Увы, все они были взрослыми людьми со своими обязанностями, поэтому во многих службах начались перебои. Особенно нелегко, как говорят, до сих пор приходилось Институту артефакторики. Артефактор — традиционная профессия аристократии. Благородное занятие наукой и техникой, разработка новых магических предметов и приборов, разнообразные интересные эксперименты... Среди заговорщиков артефакторов было особенно много. И если раньше для того, чтобы купить, например, лёгкий иллюзорный амулет в косметических целях (скрыть шрам или прыщи), можно было просто прийти в магазин при институте, то теперь следовало записаться в очередь на заказ. Сотрудников не хватало, слишком многие были арестованы.

Всё это мало меня касалось, я была в курсе событий только потому, что окружающие их обсуждали. Я прекрасно понимала, что ни один аристократ меня замуж не возьмёт — не дай Защитник, ребёнок будет «пустышкой»! — а в счастливый брак с нетитулованным я не верила. Так же, как мой отец всю жизнь мстил мне за отсутствие дара, так же и муж будет мстить за происхождение, которое я не способна изменить и от которого с удовольствием избавилась бы, если бы могла. В любовь я не верила. Точнее, верила, когда смотрела на неё со стороны, например, на чету Родериков, — но не по отношению к себе. За какие заслуги меня можно полюбить настолько, чтобы не унижать происхождением? Не знаю...

Однако невольно вспоминались слова главного врача Императорского госпиталя, и хотелось верить, что когда-нибудь, когда вся эта история с его высочеством завершится, я смогу найти своё счастье. И встречу человека, которому будет безразлично, какую фамилию я ношу, маг я или нет, и слухи обо мне он тоже будет игнорировать...

Я всхлипнула и иронично улыбнулась сквозь слёзы. Слепые мечты... Такие же, как в детстве, когда я отчаянно хотела, чтобы однажды мама и папа обняли меня, как на картинках в книжках, погладили по голове, поцеловали, сказали, что любят. Ничего этого я не дождалась и не дождусь. Да и не мечтаю я уже об этом.

Мечта о родительской любви умирала медленно и мучительно, терзая тело и душу, но всё-таки умерла. Оставив после себя лишь горечь обиды и... да, ту самую ненависть, которую я до сих пор испытывала к Алану Вилиусу.

Утром мне пришлось пить специальное зелье бодрости, иначе до театра я бы так и не дошла — спать хотелось невероятно. Правда, перед этим я поинтересовалась по браслету связи у Гауфа, не повредит ли это привороту, получила краткое «нет» и сразу выпила пузырёк. В голове и перед глазами посветлело, сон отошёл в сторону, и я наконец вздохнула с облегчением. Значит, я смогу отыграть спектакль и не шлёпнуться в обморок посреди действия. Да и с Арчибальдом следует общаться всё-таки в нормальном состоянии, без сонливости и зевоты. Мне же надо его заинтересовать, увлечь...

Я зябко повела плечами, прислушиваясь к себе. Пока его высочества не было рядом, я ничего к нему не ощущала, даже когда думала о нём. Но стоит ему появиться... Кстати, интересно, а как будет с магпортретом?..

Я вновь нашла на полке номер «Золотого орла» с изображением Арчибальда, вгляделась в магпортрет... Сердце слабо трепыхнулось, и в груди потеплело, словно я выпила горячего молока, — но не больше. В присутствии принца меня буквально ломало, рвало на части, но на портрет это не распространялось. Удивительно, потому что накануне его высочество был под иллюзорным амулетом... Если я так сходила с ума, пока он находился под чужой внешностью, что будет, когда я увижу Арчибальда без иллюзии? Страшно представить. Надеюсь, я хотя бы сохраню за собой способность соображать и разговаривать.

В театре, когда я туда пришла ближе к полудню, уже вовсю кипела жизнь — все готовились к генеральному прогону перед сегодняшним спектаклем. Мы давали его второй раз, прошлый был две недели назад, и это была премьера. Музыкальный детектив, очень необычный сюжет, даже со спецэффектами — для этого маэстро задействовал мага-специалиста по иллюзиям. В прошлый раз публика была в восторге, и Говард задумался о том, чтобы давать этот спектакль чаще, чем два раза в месяц — таким был наш обычный график представлений.

Спектакль назывался «Тайна», и у меня в нём было несколько сольных партий. У меня и у Ларка Марлоу — нашего второго ведущего актёра (первой считалась я) и главного романтического героя. Как человек Ларк был той ещё проблемой — капризный и чванливый, заносчивость выпирала из него, как чересчур набухшая каша из кастрюли, и это несмотря на то, что Ларк был без капли магии. Но как актёру, певцу и танцовщику Марлоу не было равных — и только по этой причине его закидоны терпели все, даже маэстро, сцепив зубы и закатывая

периодически глаза от раздражения. Работать с ним было настоящим испытанием для всего коллектива. У Ллойса и маэстро это как-то получалось, пусть со скрипом, но выходило, а вот у помощника второго режиссёра, который сегодня заменял Дерека на репетиции — у того был выходной, — не очень.

Несмотря на моё сложное отношение к Ллойсу из-за его навязчивых ухаживаний, я предпочитала репетиции с ним, нежели с его помощником Трентоном Харрисом. Про них с Ларком частенько говорили «нашла коса на камень» — ибо во время репетиций Марлоу и Харрис умудрялись разругаться в пух и прах и довести друг друга, а заодно и всех остальных, до белого каления. Харрис, требовательный и нудный, был начисто лишён деликатности Ллойса и капризы Ларка не воспринимал совсем. Поэтому последние три года — именно столько времени в нашем театре работал Марлоу — репетиции с ними обоими утомляли до крайности.

Харрис, в отличие от Ларка, у маэстро работал давно, и всегда был помощником второго режиссёра. После того как предшественник Ллойса ушёл на пенсию, Трентон всерьёз надеялся, что Говард его повысит, но нет — маэстро взял на освободившуюся должность нового человека, и Харрис, как мне показалось, затаил на обоих небольшую обиду. На Родерика — за то, что не оценил его многолетнюю службу, и на Дерека — за то, что занял «его» вакансию. Палки в колёса не вставлял и вообще никак не проявлял себя в негативном плане, но недовольство было заметно. Хотя бы потому, что последний год я ни разу не видела Харриса в хорошем настроении. Но во время репетиций с Ларком Марлоу оно как-то особенно портилось...

В этот раз Харрис орал на Ларка, что тот слишком жеманничает. Мнётся, как барышня, кокетничает, улыбается слишком широко и обаятельно...

— Ты же дознаватель, демоны тебя раздери! — цедил Трентон, шурясь. Орал он редко, но если уж орал, то можно было сразу залезать под кресло и зажимать руками уши. — Ты вообще видел хоть раз дознавателей? Особенно сотрудников первого отдела?! Они так никогда не улыбаются!

Меня слегка передёрнуло. Да, Харрис прав — они так никогда не улыбаются...

Но Защитница упаси меня влезать в этот конфликт. Пусть сами разбираются.

— Главный герой — герой в первую очередь романтический, — пафосно величал Ларк, снисходительно ухмыляясь. Они с Трентоном всегда казались мне полными противоположностями друг друга, причём почти до карикатурности — Марлоу высокий, хорошо сложен, с густыми светлыми кудрями на голове и правильными чертами лица, Харрис, наоборот, небольшого роста, стройностью не отличается, волосы почти чёрные, по бокам залысины. Странно для мага — маги обычно не лысеют очень долго, но Трентон то ли слишком слабый маг, то ли чем-то болен. — Он должен нравиться женщинам, по нему должны вздыхать в зале. А ты предлагаешь мне его кастрировать!

— Дурак, — припечатал Харрис, пока остальные присутствующие на репетиции фыркали в кулаки. Никто благоразумно не вмешивался. — Улыбаться ты можешь, но не так откровенно и беспечно. Глядя на тебя, никто не поверит в то, что ты один из лучших дознавателей столицы. Гуляка и лентяй — возможно, но не сотрудник первого отдела!

— Не согласен, — мотнул головой Ларк, и его кудрявые волосы красиво взметнулись. — Сотрудник первого отдела должен играть свою роль, и если...

— У нас по сюжету герой должен быть собой, а не играть роль! — зашипел Харрис и неожиданно обратился ко мне: — Айрин, скажи ты ему, что ли!

Я слегка вытаращила глаза под общие смешки. Трентон сроду ко мне не обращался!

— Почему я-то?

— Потому что ты его партнёрша, во-первых! А во-вторых — ты, в отличие от этого идиота, точно видела дознавателей!

Поначалу я подумала, что речь идёт о Гауфе, однако почти сразу сообразила, что этого не может быть — охранники не стали бы болтать о том, что ко мне приходил дознаватель,

никому, кроме Говарда. Однако маэстро ничего у меня не спрашивал... То ли не донесли, то ли он ждал, когда я сама расскажу, как это всегда бывало. Последнее вероятнее.

Значит, Харрис имеет в виду мой побег от отца. Логично — если Алана Вилиуса лишили родительских прав, без дознавателей здесь не обошлось.

— Трентон прав, Ларк, — сказала я тихо и мягко, постаравшись изобразить сочувственный взгляд. — Насчёт дознавателей. Тебе лучше немного загасить своё обаяние.

— Спасибо! — искренне поблагодарил меня Харрис, пока Марлоу обиженно дул губы. — Всё, хватит! Ещё один прогон финальной песни, и расходимся. Сегодня...

— Сегодня к нам в театр придёт один из Альго, — раздался в этот момент от двери зычный голос маэстро, и я покачулась. Остальные и вовсе — кто охнул, кто откровенно вытаращил глаза, кто сел от неожиданности.

Я обернулась. Говард шёл по проходу и, озадаченно наморщив лоб, смотрел отчего-то на меня.

— Я решил предупредить вас заранее, так как всё равно узнаете, и лучше сейчас, чем во время спектакля. Хоть успеете свыкнуться с этой мыслью, — продолжал маэстро, вставая рядом с Харрисом. — Он будет с охраной. И без иллюзорного амулета, как я понял.

— С каких пор к нам в театр ходят аристократы? — откровенно удивлённым голосом поинтересовался Ларк. — Тем более без личины! В Императорском театре раскуплены все места, или что?!

Кто-то откровенно хохотнул, но мне было не до смеха.

Я понимала, кто из Альго придёт и с чем связан его интерес, поняла всё это ещё накануне, когда Арчибальд расспрашивал про сегодняшний спектакль. Его высочество сразу решил, что придёт. Я просто по-глупому надеялась, что он передумает или не сможет — принц всё-таки! — и я получу ещё немного отсрочки.

— Я понятия не имею, — ответил маэстро, разводя руками. — Но ударить в грязь лицом мы не должны. Однако и не перебарщивайте, ребята, это всего лишь Альго, а не сам Защитник.

— А кто хоть это будет? — спросила Райза. Её голос слегка дрожал от волнения. — Не император ведь?

— Не император. Но кто именно, мне не сказали.

— Точно не Аарон, — глупо пошутил Ларк, и на него сразу зашикали. Поминать брата его величества — главу заговорщиков, которого император самолично испепелил на Дворцовой площади в День Альганны, с тех пор считалось дурным тоном. — Ладно-ладно, простите... Надеюсь, это Арчибальд. Всегда мечтал посмотреть на него поближе.

Хотела бы я разделять эти мечты, но увы... Мне никогда не была интересна правящая династия — как и аристократия в целом, — и я не стремилась к их обществу.

Забавная ирония, что из всех девушек столицы, наверняка более заинтересованных в ухаживаниях Арчибальда, дознавательский комитет выбрал именно меня. Закомплексованную и абсолютно не испытывающую восхищения перед его высочеством.

Хотя... нет, вру. Когда Арчибальд накануне дрался с теми двумя сотрудниками первого отдела, я им восхищалась. Правда, не знаю, было ли это истинным восхищением или поддельным? Да и в целом — какие из моих чувств истинные, а какие ложные, внушённые приворотным зельем?

Не знаю...

Вернувшись в свою гримёрную, я обнаружила на трюмо букет цветов. Поначалу удивилась — цветы обычно посылали после спектакля, — но, подойдя ближе, поняла, от кого они были, по карточке с гербом правящей династии — золотым орлом. Написано на ней ничего не было, но этого и не требовалось, я и так разобралась, о чём хотел предупредить меня Арчибальд — о своём вечернем визите в театр.

Цветы были удивительные, мне таких ни разу не дарили, и я даже не знала, как они называются. Пышные, похожие на пионы, и разноцветные — белые, светло-розовые и голубые. В сочетании с зелёными листьями это смотрелось очень мило и свежо, совсем не пошло и... безопасно.

Я закусила губу. Хотелось одновременно и плакать, и смеяться, потому что Арчибальд наверняка думал, будто я знаю язык цветов — ему обучали всех аристократов на уроках этикета. Любой титулованный маг должен знать, какие цветы дарить в том или ином случае. Но меня, увы, не учили подобному — Алан Вилиус считал, что это не пригодится. Хотя кое-что из этикета мне преподавали, но не слишком многое — просто чтобы я умела сидеть за столом, пользоваться приборами и вежливо общаться с окружающими. Но, к примеру, танцам меня не обучали совсем. Фардин фактически научил меня всему с нуля, но танцы были нужны для того, чтобы играть в спектаклях маэстро, а для чего мне язык цветов?.. По этой причине я не представляла, что значит подобное сочетание цветов, но отчего-то не сомневалась — оно явно не про страсть и желание. И спросить было не у кого — вряд ли в театре найдётся хотя бы один человек, разбирающийся в подобных традициях аристократов. Если только Говард может быть в курсе... Но не идти же к маэстро из-за подобной ерунды?

Вздыхнув, я села на стул перед трюмо, а затем потянулась к букету — захотелось коснуться ладонью цветов. И как только я это сделала, они вдруг вспыхнули золотом, будто налились солнечной пылью, а затем из центра каждого цветка что-то вырвалось и стало летать по гримёрной. Охнув, я изумлённо огляделась — по стенам, полу и потолку прыгали маленькие огоньки, похожие на солнечных зайчиков, — они будто танцевали вокруг меня какой-то дикий танец. При этом всё увеличивались и увеличивались... пока не превратились частично в ярких огненных бабочек, частично — в крошечных юрких птичек, которые начали порхать по гримёрной и даже садиться мне на плечи. Эти прикосновения были мимолётными и тёплыми, а не обжигающими, и непроизвольно вызвали у меня улыбку.

Красиво ведь. Настолько красивый и необычный букет мне ещё не дарили...

Я не удержалась и от смеха, когда птички уселись в ряд на трюмо и начали начирикивать одну известную детскую песенку про котёнка и щенка, а бабочки летали вокруг, танцуя под неё, крутились и вертелись так, как ни одна бабочка в природе не делает. Но насколько же здорово это смотрелось!

Всё исчезло, словно растворившись в воздухе, через несколько минут, как только песенка закончилась, но оставило после себя на редкость повесившееся настроение, капельку удивления и привкус любопытства.

Неужели его высочество сам сделал такой букет? Может, всё-таки поручил кому-нибудь? Если поручил, то, скорее всего, не впервые ухаживает за девушкой подобным образом.

Удивительно, но эта мысль показалась мне крайне неприятной...

Его высочество Арчибальд появился в зрительном зале в сопровождении двоих охранников за пару минут до начала спектакля. Я как раз начинала воздействовать на зрителей родовой магией... и, увидев принца, едва смогла сосредоточиться на своей работе. Специально старалась не смотреть на него, чтобы не отвлекаться, но глаза сами то и дело возвращались к его высочеству.

Он сел не в первом ряду, а дальше, в пятом — именно с этих мест сцену было видно лучше всего, — и места перед ним были оставлены пустыми. Уж не знаю, из соображений безопасности или из желания, чтобы ничья макушка не мешала смотреть спектакль, — так или иначе, это позволяло и мне рассмотреть Арчибальда во всех подробностях.

Он был в форме главы охранителей — в чёрном мундире с серебряными пуговицами и медалью с символическим изображением Геенны на груди — и выглядел во всём этом очень строго и внушительно. Впрочем, учитывая тот факт, что Арчибальд был без иллюзорного аму-

лета, то часть внушительности достигалась не мундиром, а эманациями его родовой магии, от которой в зале словно стало чуточку теплее. Принц напоминал солнце, которое греет, но не обжигает, — чувствовать его родовую силу было приятно. Хотя я не сомневалась, что при необходимости Арчибальд может сделать так, что эта сила начнёт обжигать, но пока только согревала.

Я вновь попыталась отвести глаза и, вздохнув, потёрла ладонью лоб. Соберись, Айрин! Тебе самой нужно закончить работу с родовой магией, не стоит отвлекаться. Хотя то, что я делала со зрителями каждый вечер, было просто и не причиняло мне неудобств — иначе Говард не позволил бы мне ничего подобного. Я даже не уставала. Но и воздействие, которое я применяла, даже близко не было сильным — так, слегка повысит настроение окружающим. И рассеивалось на весь зал, задевая даже исполнителей и техников, что им только нравилось. Один даже шутил, что это «как выпить рюмку для куража», только без последствий в виде опьянения.

Я с трудом, но закончила с родовой магией и поскорее отошла от занавеса, стараясь не смотреть на принца — иначе, чего доброго, зависла бы там надолго, а мне через несколько минут нужно было выходить на сцену. Следовало как-то собраться, чтобы не отвлекаться на присутствие Арчибальда во время спектакля... Но, как это сделать, я не представляла. Приворотное зелье превратило меня в магнит, и я всеми силами тянулась к принцу, невзирая на здравый смысл.

В конечном итоге я воткнула в рукав булавку — если станет совсем худо, её можно будет подвигать, чтобы уколола кожу. Если и боль не поможет мне прийти в себя, то и ничто не поможет. В таком случае после спектакля маэстро будет ругаться, но я тогда попросту расскажу ему правду. Хотя я в любом случае расскажу, делать это мне никто не запрещал — то ли на самом деле было неважно, сохраню ли я всё в тайне, то ли дознаватели недоработали. Так или иначе, но отсутствием запрета стоило воспользоваться. И заручиться поддержкой Говарда — туго мне будет без неё, я уже привыкла, что он в курсе всех обстоятельств моей жизни...

Удивительно, но спектакль я отыграла почти как обычно — отвлекалась на его высочество всего пару раз, но и все периодически отвлекались. Даже Марлоу — и тот однажды залип на рассматривании Арчибальда. По этому поводу пошутила одна из актрис в антракте, и Ларк неожиданно не стал ни отрицать, ни огрызаться, а отшутился в ответ — сказал, что пытался представить себя охранителем, защитником Альганны и подчинённым Арчибальда и в итоге решил, что стоять на сцене и смотреть на принца со стороны ему нравится больше. Подобное высказывание вызвало взрыв откровенного хохота и немного расслабило обстановку — всё же, несмотря на то, что играли мы нормально, напряжение ощущалось. Не со стороны — внутри коллектива. Но в этом не было ничего удивительного, не каждый день к нам родственники императора в театр приходят...

Во время поклона я старательно пыталась не смотреть на Арчибальда, но в итоге сдалась — в процессе спектакля отвлечься от принца было проще и реальнее, чем после, когда весь зал как на ладони и лицо его высочества прямо перед тобой. Красивое лицо, мужественное... и улыбающееся. И какая же у него улыбка, Защитница! Спокойная и мягкая, но такой силы и обаяния, что хочется улыбаться в ответ...

И я улыбалась. Как дура. Широко и абсолютно радостно — будто была безумно счастлива видеть Арчибальда. Часть меня и была счастлива — та, которую опоили приворотным зельем. А вот вторая моя часть пребывала в лёгком ужасе от происходящего. Осадком на дне плескались неловкость за собственное поведение и страх за будущее. Я не сомневалась, что Арчибальд не станет меня ни к чему принуждать — но ведь за него это сделает приворотное зелье...

В гримёрную после спектакля я возвращалась на негнувшихся ногах. Понимала прекрасно, что его высочество не может не зайти ко мне. Зря он, что ли, вообще сюда пришёл, ещё и букет прислал? Зайдёт, разумеется.

Я лихорадочно смыла с лица всю краску — никогда в жизни не стирала грим настолько быстро! — и оторвала накладные ресницы. Почему-то мне не хотелось встречать Арчибальда будучи в театральном гриме, хотя никакой логике это желание не поддавалось. Что в гриме, что без грима — я выглядела примерно одинаково хорошо. Грим-то в основном был нужен только для того, чтобы в свете софитов лицо не сверкало и чтобы губы с глазами были видны с задних рядов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.